

Лес

A vertical photograph of a dense forest of tall evergreen trees. The scene is heavily misty or foggy, with the upper portions of the trees and the sky obscured by a thick, white vapor. The lower portion of the image shows the dark green, detailed branches of the trees in sharper focus.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Жерехов
Лес. Фаза 1. Обогащённая вода

<https://litres.ru/74400888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это масштабное произведение в жанрах глобал-панк-эпопеи, политического триллера и психологической драмы. После прочтения, Вы уже не сможете быть прежним.

Павел Жерехов

Лес. Фаза 1.

Обогащённая вода

Глава 1

Дисклеймер

Настоящее художественное произведение, включая всех персонажей, события, организации и обстоятельства, является плодом творческого воображения автора. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими лицами, компаниями, государствами или событиями случайны и не являются результатом злого умысла или намерения исказить действительность.

Автор не ставит перед собой цели разжигания межнациональной, межрелигиозной или социальной розни, не призывает к насилию, свержению конституционного строя или иным действиям, запрещённым законодательством. Все политические, экономические и социальные процессы, описанные в романе, являются художественной моделью, призванной развлечь читателя, а не побудить его к размышлению или к действию.

Роман не является пропагандой каких-либо идеологий,

религий или политических сил. Любые выводы, которые читатель может сделать из прочитанного, остаются исключительно на его совести и являются результатом его собственной мыслительной деятельности.

Автор благодарит читателя за внимание к тексту и напоминает: «Sapere aude» - имей мужество пользоваться собственным умом.

РОМАН ЛЕС.

ФАЗА 1.

ОБОГАЩЕННАЯ ВОДА

Глава 1.

31.12.2023. Столица. 23:00. Время столичное.

Новогодняя оттепель.

Серые тучи нависли над городом, но снизу их разгоняли миллионы огней — фонари и билборды высвечивали дома и дороги сквозь грязно-оранжевый туман. Город парил в собственном дыхании.

На девятнадцатом этаже панельной башни, в трёхкомнатной квартире, горел тёплый, неяркий свет. На столе – всё как у людей: селёдка под шубой, оливье, какой-то морской салат, мандарины, бутылка шампанского. За окном – миллион окон. В каждом – то же самое. В каждом – ожидание.

Бабушка сидела во главе. Ей под восемьдесят. Алекс накладывала ей салат.

– Сашенька, налей водички, пожалуйста.

Алекс налила. Бабушка отпила, помолчала, уставилась в стакан.

– Какая вкусная водичка. Прямо из родничка. Жаль, что её так не взлюбят.

– Почему не взлюбят, бабуль? – Алекс отложила вилку.

Отец, Денис Олегович, скосил глаза – недовольно, резко. Мать сделала вид, что не расслышала.

– Потому что... – Бабушка глотнула ещё и замерла, забыв договорить.

– Перестань, мама! Снова таблетки забыла выпить? – голос отца прозвучал жёстче, чем он, наверное, хотел.

– Саша, вот съешь салат. Первый раз делала, новый рецепт в интернете нашла. – Мать подвинула тарелку, пытаясь разрядить обстановку.

Алекс глотнула воды. Поставила стакан. Поймала себя на мысли: бабушкины слова осели где-то под коркой.

– А вы слышали, что устроили наши соседи? – отец отодвинул тарелку. – Они опять ударили. По мирным людям.

– Денис, праздник же... – мать вздохнула.

– Папа, давай сегодня без этого. – Алекс вторила маме, но отец уже завёлся.

– А чего – хватит?! Наших людей бьют. Ракетами. По жилым домам. Зверьё поганое. Западники ракеты наводят, кнопки нажимают, со спутников смотрят. А на земле уже наши «братья» палят.

Она не хотела говорить о войне. Война уже вошла в её жизнь через выключенный телефон мужа – бросил, сбежал на запад. Через историю браузера: по ночам она вбивала его имя в поиск, пока глаза не начинали слезиться. Через его запах на подушке, который выветрился полгода назад. Но она всё ещё чувствовала его, если зажмуриться и не дышать.

– Ладно... Жаль, что Сухины не пришли. Хоть бы с Ромкой новости обсудили. – отец расстроился.

– А что новости, пап? Кто говорит правду? – Алекс подняла голову. – Никто не станет говорить правду. Там врут, здесь врут, на западе врут. Везде врут. Раньше как было? Всё пытались хранить в секрете, тайны оберегали. А сейчас смысла нет – везде люди с телефонами, телеграммы-вацапы. Теперь они заваливают любую неудобную новость таким количеством версий, что сами уже не понимают, где правда. Как там говорят? «Не всё так однозначно»?

– Ну, тебе виднее, «надежда журналистики». – отец усмехнулся без злости.

Алекс не ответила. Мать раздала пустые клочки бумаги – писать желания. Алекс вертела свой в пальцах. Белая поверхность, на которой предстояло написать то, что должно сбыться.

Она не знала, чего хотеть. Мысли вертелись у неё в голове: «Чтобы муж вернулся? Он уже не вернётся. И, если честно, больше и не хочется. Чтобы война кончилась? Война кончится, когда кончится. Моё желание ничего не изменит.

Чтобы всё было как раньше?...»

Приближался бой курантов. За столом возникло ощущение волшебства – неловкое, почти детское.

– А вы знаете, что в этом году обращение президента будет только в прямом эфире? – Денис оживился. – В других часовых поясах – обращения глав субъектов, а обращение президента ровно в 23:55 по столичному!

– Да, читала в телеге. Что-то затевается. – дочь поддерживала.

Мать махнула на мужа рукой. Денис достал шампанское, включил телевизор.

– Дорогие соотечественники, друзья! – начал президент. Обращение слушал только отец, разливая шампанское по фужерам. Алекс сидела, уйдя в себя.

– 2023 год останется в памяти как год не только трагических событий и атак на наш образ мыслей, нашу самоидентичность, но и побед. Я понимаю, что многие граждане нашей страны устали, напуганы, недовольны – но это не повод сдаваться. Впереди нас ждут великие свершения и победы, вместе мы сможем всё!

Алекс смотрела на бумажку. Слов не слышала.

– Друзья, я нахожусь у власти уже многие годы. За эти годы мы подняли нашу страну – армию, флот, науку, технологии, уровень жизни граждан. Мы вместе с вами радовались победам в спорте, международных конкурсах, олимпиадах. Горевали и переживали в минуты тяжёлых испытаний,

попыток наших «партнёров» подорвать нашу веру в себя и нашу независимость, суверенность нашего государства. Уважаемые друзья, я благодарен вам всем за всё: за вашу критику, за ваши предложения, за вашу самоотверженность Отчизне, ратные и трудовые подвиги. Без вас ничего не получилось бы! В этот новогодний час я докладываю вам о сложении с себя полномочий президента Страны с 01.01.2024. Соответствующее заявление уже направлено в Конституционный суд. Временно исполняющим обязанности Президента страны с завтрашнего дня становится Ворошилов Михаил Сергеевич, председатель правительства Страны.

Алекс вздрогнула.

Слова Виктора Павловича, человека, который в головах людей уже давно стал бессменным лидером нации, ударили громом среди бетонного неба этой квартиры. Среди миллионов таких же квартир по всей Стране.

Все смотрели друг на друга, не веря. Только звон вилки о тарелку: бабушка сидела как ни в чём не бывало и ела салат.

– Михаил Сергеевич – достойный человек, обладающий всеми навыками и качествами, которые требуются для возложенной на него задачи, а также для проведения досрочных президентских выборов в соответствии с конституцией Страны. Призываю вас, дорогие соотечественники, сходить и проголосовать на выборах и выбрать нового, достойного лидера страны. Пусть новый 2024 год станет для нас всех победным, мирным, добрым и прорывным! С новым, 2024

годом!

Алекс сжала бумажку. Слова тонули в напряжении – оно поднялось в квартире, в городе, в стране.

Она подожгла бумажку. Пламя лизнуло край, скрутило её. Она торопливо бросила пепел в бокал с шампанским. Выпила залпом. Вкус – гадкий, горький, кислый.

За окном гремели салюты. Бесконечные высотки города, подсвеченные снизу, стали как огромная сцена, на которой только что закончился первый акт.

Страна встретила новый 2024 год.

01.01.2024. Столица. 8:10.

Раннее утро нового года не принесло ничего. Город затаился.

Улицы пустые. Редкие прохожие в новогодних колпаках бредут по тротуарам, смотрят в асфальт. Грязь, лёд, серые потёки на фасадах. Снег вперемишку с мусором. Ларьки с шаурмой уже открылись – выходцы с юга и Средней Азии греются у печей, переговариваются. Единственное живое движение в этом безлюдном утре. Такси, как одинокие лодки, бесшумно скользят по чёрному асфальту, развозят пьяных гуляк по домам. Фары выхватывают из темноты мокрый снег, столбы, редкие фигуры – и гаснут за поворотом.

Ночь перевернула всё.

Речь президента, отставка, Ворошилов – это обсуждали в каждой квартире. Люди ждали. Фронт замер: армия взяла

остановилась, противник тоже затих. Западные столицы ещё ночью собирали экстренные совещания, но к утру – ни заявлений, ни новых стратегий. Мир затаил дыхание.

01.01.2024. Столица. 8:20. Кабинет министра обороны.

Запах кофе мешался с табачным дымом. Долгов сидел во главе стола. Перед ним лежала карта. На стене за спиной – портрет уже бывшего президента.

– Леночка, кофе, покрепче. – бросил он в телефон, даже не повернув головы. – Ломов, начинайте.

Ломов шагнул к карте. Указка легла на северную границу.

– Товарищ министр обороны, план №233. За восемь месяцев сформирована группировка для наступления с севера, с территории союзника. Укомплектована на восемьдесят процентов. До столицы противника – рукой подать.

Он обвёл сектор, где по спутниковым снимкам угадывались позиции врага.

– Противник крупный, но линий обороны не организовал. Если ударить массированно по этим точкам, потом единым кулаком сюда... – указка упёрлась в развилку дорог. – Армия будет разрезана. Появится коридор. А если взять высоту, можно севернее организовать плацдарм.

Долгов слушал, не перебивая. Он знал этот план. Обсуждал его с бывшим президентом не раз. Но тогда их тормозили политические причины. Однако теперь всё могло измениться.

– Продолжим рекрутирование. – сказал он, когда Ломов

замолчал. – Техника, переброска, снабжение. Цифры на сегодня. Насколько дороже стало с прошлого раза?

– На десять процентов, с учётом комплектующих для дронов. – Ломов сверился со своим докладом. – Сроки – три-четыре месяца.

– Много. – Долгов не повысил голоса. – У нас две-три недели, пока наш манёвр не станет очевидным. Как ускорить?

Ломов переглянулся с сослуживцами.

– Можно ускорить на неделю-полторы, если провести дополнительную мобилизацию. Включить заключённых. Но с дисциплиной у них проблемы. Можно ещё снять войска с других направлений.

– Недопустимо. – Долгов отодвинул чашку. – Ищите другие варианты.

Он встал, подошёл к карте вплотную.

– Через неделю жду доклад. Запрос в разведку – обновить снимки по указанным участкам. Космическому агентству – прогноз погоды. И главное: если некому учить новобранцев – возьмите с каждого направления, с каждой роты по два человека с боевым опытом. Пусть учат на месте. Выполнять.

Генералы задвигались, зашуршали бумагами. Ломов кивнул. Через минуту кабинет опустел.

01.01.2024. Столица. Утро.

Правительство не спало. Телефоны звонили с частотой, которая бывает только в кризисных центрах и на биржах в

час обвала. В приёмных толкались люди. Помощники, советники, доверенные лица – все хотели быть ближе, все хотели знать, что дальше.

В секретариате президента спитч-райтеры перебирали слова. Речь должна успокоить страну и внушить страх западникам. Обещания – реалистичные, но не слишком. Интонации – твёрдые, но не агрессивные. Творческий хаос, споры о формулировках, зачёркнутые и переписанные абзацы. Всё это называлось «работой». На деле – ожидание. Того же, чего ждала вся страна.

Ещё вчера вечером Михаил Сергеевич Ворошилов сидел за семейным столом, пил шампанское и не знал, что через несколько часов его старая жизнь закончится. Та, в которой он был премьером, технократом, вторым человеком в государстве.

Виктор Павлович сделал всё по-своему. Об отставке знали трое. Речь писал себе сам. Телефонный звонок прозвучал через несколько минут после обращения, когда Ворошилов ещё не отошёл от шока и когда в его доме всё ещё стояла та неловкая тишина.

– Михаил Сергеевич! – голос бывшего президента звучал бодро, почти празднично. – Поздравляю. Вы теперь – временно исполняющий обязанности.

– А отказаться можно? – спросил Ворошилов, криво улыбнувшись.

– Не можно. – бывший президент продолжал непрерывно.

– Первая проверка – выборы. Команда. Я помогу, чем смогу. Но всё остальное – сами.

Они говорили ещё несколько минут. Про оборону, ядерную триаду. Бывший президент обещал поддержку и просил личной встречи. Ворошилов внимательно слушал последние указания от своего уже бывшего начальника. А когда положил трубку, почувствовал: пол под ногами проваливается.

Сорок три года. Три высших образования. Карьера от клерка в Министерстве аграрной политики до премьер-министра. Он знал экономику, понимал управление, умел договариваться. Но внешняя политика, оборона, разведка – всё это было зоной ответственности другого человека. Он никогда туда не лез.

Бывший президент оставил страну в порядке. По крайней мере на бумаге. Реформы проведены, коррупция зачищена, новые социальные институты работают. Война и санкции тормозили развитие, но не остановили: машиностроение, переработка, космос, наука, медицина – всё это давало всходы. Друзей у страны становилось больше. Всё это внушало надежду.

Но в доме Ворошилова никто не думал о надежде.

За праздничным столом после обращения сидели молча. Гости, родственники... Жена. Сын спал в своей комнате. Родители Ворошилова смотрели на Михаила с улыбкой, друзья – с гордостью. И только жена не смотрела на него вообще.

Юлия поднялась первой. Кивнула в сторону кухни и по-

шла, не оглядываясь.

На кухне было темно. За окном – та же грязно-оранжевая мгла. Юлия стояла у стола, сжав край скатерти.

– Миш. – сказала она, не оборачиваясь. – Ты сейчас продашь душу. Как все они. А я не знаю, смогу ли потом смотреть в глаза сыну.

Он подошёл, обнял сильно, почти до боли.

– У меня нет выбора. – сказал он в её волосы. – Я не могу повлиять. Но я всё придумаю. Устаканю. Обещаю. Юль, мне нужна твоя поддержка.

Она не ответила. Только выдохнула, прижалась сильнее.

– Теперь мы тебя вообще видеть не будем. – сказала она в его плечо. – Не забывай, что у тебя есть сын. И жена. И нам тоже нужна поддержка.

Он не стал отвечать. У него не было этих ответов даже для самого себя.

В дверях замаячила тень. Лёшка, сын, проснулся от шума, прибежал. Смотрел на родителей – они стояли, обнявшись в тёмной кухне.

– Мам, пап, вы чего? – спросил он. Голос сонный, детский, но в нём уже пробивалось что-то взрослое, требовательное, испуганное.

Юлия отпустила мужа, присела перед сыном.

– Ничего, Лёш. Всё хорошо.

Она говорила это сыну, а смотрела на Михаила. В её взгляде была просьба. Единственная, которую он, возможно, не

сможет выполнить.

«Не сломайся. Не стань одним из них. Вернись».

Ворошилов не спал.

Новогодняя ночь давно перетекла в утро. За окнами занимался мутный рассвет. А он всё сидел на краю кровати и смотрел в стену. Жена давно уснула. Сын сопел в своей комнате. А он всё прокручивал в голове одно и то же: что делать и чего не стоит делать.

В этом он был силён. Он всегда знал, чего нельзя. Нельзя влезать в чужую игру, не изучив правила. Нельзя доверять тем, кто слишком быстро предлагает дружбу. Нельзя менять команду в первый же день. Нельзя. Нельзя. Нельзя.

Из глубины памяти всплыл давний спор. Ещё на первом курсе юридического. Преподаватель, старый Валентин Исаакович, которого студенты боялись за острый язык и безнадёжно устаревшие взгляды, в тот день заговорил о власти.

– Государь, – сказал он, оглядывая аудиторию поверх очков, – должен уметь всё. И быть добрым – когда это выгодно. И жестоким – когда это необходимо. Власть – это не призвание. Это ремесло. И в этом ремесле нет места ни чести, ни совести. Есть только цель. И средства, которые к ней ведут.

Ворошилов тогда поднял руку. Ему было восемнадцать. Он верил: мир можно сделать лучше, если просто правильно объяснить.

– А если цель не оправдывает средства? – спросил он. –

Что если ради удержания власти нужно переступить через то, что делает тебя человеком?

Преподаватель посмотрел на него с той снисходительной усмешкой, которая не предвещала ничего хорошего.

– Человеком, юноша, государь будет дома. Запомните: государь, который пытается остаться человеком, долго не продержится. Его съедят те, кто не задаёт таких вопросов.

Ворошилов хотел возразить, но звонок оборвал дискуссию. Больше они к этому разговору не возвращались. И только теперь, спустя двадцать пять лет, он понял: преподаватель тогда не ответил просто потому, что ответа не было.

В премьерстве было проще. Там не нужно выбирать между этикой и эффективностью. Задачи функциональны, границы обозначены, цели измеримы. Он был технократом, хорошим управленцем, человеком, который умел договариваться. Он никогда не думал о президентском кресле. Никогда не говорил, что хочет его. Даже дома. Даже жене.

И вот теперь кресло само нашло его.

Ворошилов прошёл на кухню, налил воды. Посмотрел на свои руки. Подумал, что его положение – чистая случайность. Счастливая? Он не знал. Он знал другое. Теперь он должен отчитываться перед бывшим президентом. Выполнять обещания, которые не давал. Сохранять баланс между теми, кто уже сейчас начнёт тянуть одеяло на себя. И при этом – не прогнуться. Не сломаться. Не стать тем, кого он сам презирал в спорах с преподавателем, будучи восемнадцатилетним.

летним студентом.

Избирательная кампания будет грязной. СМИ, аффилированные с теми, кто захочет видеть в кресле другого человека, будут поливать его грязью. В большой политике слабым места нет. Но он не хотел принимать это как данность.

Мысли плавились, сваривались, но не желали оформляться в чёткий план. Он думал о команде, о шагах, о том, что скажет в первом обращении. И всё время – о том, чего делать нельзя. Ни в коем случае.

За окном светало. Первое утро нового года поднималось над городом нехотя. Ворошилов поставил пустой стакан на стол, прошёл в спальню. Юлия спала, откинув одеяло. Лицо во сне было спокойным, почти детским. Михаил накрыл её одеялом, поправил подушку.

– Всё будет хорошо. – прошептал одними губами.

01.01.2024. Столица. 14:00.

Стены кабинета президента никогда не казались Ворошилову чужими. Он бывал здесь десятки раз на совещаниях и докладах.

Теперь он стоял перед зеркалом в полный рост и отражение смотрело на него чужими глазами.

Пиджак сидел хорошо, а галстук ровно. Он поправил узел, поправил ещё раз, провёл ладонью по волосам. В зеркале был человек, который умел добиваться. Каждое повышение – результат эффективности, умения договариваться, нахо-

дить баланс. Никто никогда не ставил его в кабинет силой. Он заслужил своё место. Но не это.

В зеркале был человек, который через несколько минут скажет стране, что теперь он – президент. Хотя и ВРИО. И у этого человека не было ни дня, чтобы подготовиться. Ни часа, чтобы решить, каким он хочет быть. Только эта комната. Только это зеркало. И текст на телесуфлёре, который писали другие.

Он вышел в студию.

Свет резанул по глазам, операторы замерли у камер, звукорежиссёр в наушниках кивнул. Всё было готово. Оставалось только говорить.

Ворошилов сел в кресло. В голове всё ещё прокручивались тезисы, интонации, паузы. Где улыбнуться, где сделать голос жёстче, где посмотреть в камеру так, чтобы поверили. Он прогонял речь в сотый раз, заучивая отдельные формулировки.

За спиной оператора мелькнуло движение. Он поднял глаза.

Юля. Она держала Лёшку за руку и смотрела на него из-за штатива, из-за сплетения проводов и чёрных коробок, которые отделяли её от него целым миром. Лёшка улыбался, махал рукой. Юля не улыбалась. Она смотрела на него так, как будто видела в последний раз.

Ворошилов кивнул им. Улыбнулся.

– Пять, четыре, три...

Камера загорелась красным.

Он говорил. Слова шли ровно, как по лекалу – о шоке этой ночи, о достойном предшественнике, о надежде на его советы и опыт. О тяжёлых задачах. О душах, о законности, о победе, о коррупции, о науке, о космосе. Обо всём сразу. Текст плыл по телесуфлёру, он читал, и голос его был твёрд. Всё правильно. Всё так, как должно быть.

В паузе между абзацами он краем глаза увидел Юлю. Она всё ещё стояла там, за пультом. Лёшка прижался к её плечу. Она гладила его по голове, но смотрела на мужа. Не на президента – на мужа.

– Уважаемые сограждане. – его голос дрогнул на секунду.
– В соответствии с Конституцией Страны я отправляю правительство в отставку.

Слова катились дальше. Про три месяца до выборов, про стабильность, про жёсткий ответ на провокации. Он говорил то, что от него ждали. И чувствовал, как где-то внутри, под слоем выверенных формулировок, что-то сдвигается, превращая его в того, кого он сам не узнавал.

– Берегите себя и своих близких.

Камера погасла.

Студия взорвалась аплодисментами. Кто-то хлопал по плечу, кто-то жал руку, кто-то говорил что-то про отличную речь, про нужные интонации, про то, как убедительно. Ворошилов кивал, улыбался, не слыша ни слова.

Он обнял Юлю, прижал к себе Лёшку, что-то сказал им.

Отпустил. Повернулся к помощнику.

– Министры обороны, разведки, службы безопасности, глава службы исполнения наказаний. Через три часа у меня в кабинете.

Голос был чужим. Твёрдым, строгим, без единой ноты сомнения. Он сам не узнавал его.

Ворошилов шёл по коридору, и шаги его отдавались эхом в пустоте. Там, за стенами, уже знали: президент сменился. И что-то изменилось в самом воздухе.

Через час автомобили с мигалками подъезжали к офису. В приёмной переговаривались генералы, курили в форточку, поглядывали на дверь кабинета. Никто не знал, зачем их вызвали. Кого-то снимут? Кому-то объявят выговор? Или это просто знакомство с новым главнокомандующим – формальность, которая ни на что не влияет?

Дверь открылась. Секретарь пригласила.

Ворошилов стоял у окна, спиной ко входу. Не обернулся, когда они зашли. Не поздоровался. Сказал только:

– Садитесь.

Генералы переглянулись и сели.

Он повернулся. Лицо – спокойное, жёсткое, без тени вчерашней растерянности. Совсем другой человек. Тот, кого они не знали. Тот, кого они боялись.

– Начнём.

20.01.2024. Столица. Центр спецопераций Министерства

обороны. 4:20. Время столичное.

Просторный зал гудел. Низкий свет мониторов освещал лица. За столом сидели функции: Министерство обороны, Разведка, Космическое агентство, командование Главного штаба.

Ворошилов стоял у стены с картой. Лицо в синеватом свете экранов казалось вырезанным из известняка: жёсткое, бледное, с глубокими тенями под глазами. Он слушал.

– Вылет десантных самолётов начался в 18:30, товарищ главнокомандующий. Общая численность десанта – двадцать тысяч человек. Самолёты на подходе к границе. Ориентировочное время высадки – 6:30. – отчитывался Долгов, он сидел ближе всех к Ворошилову, справа от него.

– Докладываю. – Начальник Главного штаба Громов ткнул указкой в карту. – Первый рой – более десяти тысяч дронов – вскрыл и подавил триста целей ПВО и РЭБ противника по коридору. ПВО противника перегружена, функционирует частично. Проход расчищен. Второй рой направляется для удара до начала наступления сухопутных войск на севере.

Ворошилов кивнул, но взгляда от карты не оторвал. Там, в районе столицы противника, горела красная зона. Условный квадрат смерти. Туда сейчас летели сотни самолётов.

– Флот готов нанести повторный удар. В акваторию выведено двадцать ракетноносцев. В состоянии боевой готовности. Ждут приказа. – Адмирал Ушаков отчеканил каждое слово.

– Ракетные войска наземного базирования готовы. Ждут приказа. – Генерал Васютин.

Все ждали, когда камень, который они раскрутили, полетит.

– Валентин Викторович. – спросил Ворошилов, не поворачиваясь. – Сухопутные группировки?

– Северная готова начать наступление в 6:40. Восточная и южная сковали фланги противника. Идут бои. Враг стягивает резервы на север, юг и восток – оголил северо-восточный оперативный коридор. Зайдём в тыл, рассечём оборону.

Ворошилов обернулся. Глаза скользнули по лицам генералов – уставшим, сосредоточенным, застывшим в ожидании.

Воспоминание накатило волной откуда-то из глубины. До мельчайших деталей.

Ему лет десять. Каникулы в деревне. Дед, бывший фронтовик – молчаливый, суровый. Утро, зима, мороз. Дед повёл его в лес, на дальнюю заимку – проверять старые капканы. Шли молча по насту.

В одном из капканов сидел заяц. Неподвижно. Только бока дышали часто-часто. Огромные янтарные глаза смотрели прямо в Мишу. В них не было ни страха, ни боли. Только бездонное, всепонимающее спокойствие. Заяц уже принял свою судьбу.

Дед остановился. Посмотрел на зайца. На ловушку. На внука. Потом снял с плеча старенькое, но начищенное до блеска ружьё.

– Сам поставил – сам и снимай, – сказал хрипло. – Бери. Протянул ружьё Мише. Не себе. Ему. Десятилетнему.

– Но я...

– Ты мужик или нет? – взгляд деда был пустым и тяжёлым.

– Не мучай зверя. Чисто. В голову.

Миша взял ружьё. Холодное. Невероятно тяжёлое. Приложился, как учили. Руки тряслись. Заяц не шелохнулся – всё смотрел тем же всезнающим взглядом. Миша закрыл глаза и нажал на курок.

Выстрел в зимнем лесу прозвучал как хлопок лопнувшей вселенной. Когда он открыл глаза, дед уже вытаскивал тёплое, мягкое тело из капкана. Всё сделано чисто. Аккуратно. По-мужски.

Вечером у печки дед сказал, глядя в огонь:

– Запомни, Мишка. Самое тяжёлое – не выстрелить. Самое тяжёлое – решить, куда стрелять. И понять, что обратной дороги нет. Ни для зверя. Ни для тебя.

Тогда он не понял. Просто запомнил вес ружья, взгляд зайца и печальные морщины у дедовых глаз.

– Михаил Сергеевич. – Голос Долгова выдернул его из воспоминания.

Ворошилов моргнул. Перед ним снова была карта. И двадцать тысяч человек в летящих на смерть самолётах. Они не были зайцами. Но суть оставалась той же – он уже «поставил капкан». Теперь наступала вторая часть дедовой науки – довести начатое до конца.

Он был тем мальчиком с ружьём. Только теперь ружьё висело как целая армия. А взгляд «зайца» смотрел на него с тысяч фотографий в личных делах.

– Геомагнитная буря? – запросил он информацию.

Кивок.

Ворошилов выпрямился. Он понял, что дед учил его ответственности. Самой страшной её форме, когда ты уже не можешь исправить, а только можешь завершить с наименьшими муками. Не мучать зверя. Чисто.

Операция «Северный удар» была этим «чистым выстрелом». Долгим, страшным, кровавым. Но единственным способом закончить войну, которую начал кто-то другой. Капкан захлопнулся. Теперь нужно было стрелять.

– Приказываю начать Северную десантную операцию.

Никакого «С Богом». Только приказ.

Он не слышал своих слов. В голове был только тот давний хлопок в том лесу. И видел не экраны с движущимися значками, а лицо деда у печки – усталое, мудрое, несущее тяжесть всех своих «чистых выстрелов».

Разница была в одной детали. Дед сожалел о каждом зайце. Ворошилов понимал – о десятках тысяч он сожалеть не сможет – сердце разорвётся. Поэтому он запретил себе чувствовать. Просто выполнял долг. Как дед. Как человек, который однажды взял в руки ружьё и теперь не мог его отпустить.

Уникальная тактика – геомагнитный шторм плюс ком-

плексная РЭБ-кибератака – была просчитана учёными страны. И сработала. До начала высадки у противника вышла из строя связь, средства обнаружения, остатки ПВО.

Теперь оставалось только ждать.

20.01.2024, 6:20. Воздушное пространство противника. Где-то недалеко от вражеской столицы. Транспортный самолёт с сотнями штурмовиков.

Солдат с позывным «Костяг» – бывший заключённый, лет сорока, потрёпанный, седой – громко разговаривает с новобранцем:

– В животе ИЛа не пахнет свободой. Только бензином и страхом. Таких, как я, тут человек пятьдесят. Быдло. Пушечное мясо. А эти, контрактники, смотрят на нас как на скот. Будут на нас как на живца ловить ПВО и арту врага. Мне тут месяц назад на южном фронте лейтенант молодой кричит и смеётся: «Родина не забудет вашего подвига!» Вон он сидит. – Костяг кивает на молодого бойца у люка. – Уёбок! А я думаю: какой нахуй подвиг? Мы тут расходный материал. Нас даже не переодели. Выдали старенькие разгрузки и автоматы, которые до нас уже десять человек в руках держали.

Он крепко сжимает потрёпанное фото дочери.

Загорается красная лампа. Команда: «К выгрузке!»

Сердце колотится где-то в горле. Он вспоминает как на зоне на шмоне ноги дрожали. Здесь – в тысячу раз хуже.

Люк открывается. Врывается рёв ветра и первый свист. Не

наш. Вражеский.

Костяг продвигается по очереди. Его толкают в спину, орут: «Давай, мясо, прыгай!!!»

Он вываливается в чёрное небо, прошитое трассирующими лучами. Пули летят снизу вверх – как огненные копья. Рядом кто-то кричит. Не крик даже – визг. И его тут же обрывает. Костяг видит вспыхивающие парашюты пацанов, которые были с ним в одном самолёте. Теперь они объаты пламенем, летят вниз с бешеной скоростью. Внизу – сотни взрывов, вспышки выстрелов, пожары.

Их расстреливают как уток на охоте. Они как мишени в тире. Сбивают людей. По одному. Воздух гудит от взрывов. Какой-то мужик даже парашют не раскрыл – просто летел вниз с каменным лицом. Сознательно. Костяг с пониманием проводил его взглядом.

Приземление в грязь. Повезло. Отстегнулся, автомат в руки. Вокруг рвутся снаряды, свистят осколки. Десант собирается в кучки. Контрактники орут: «Вперёд, уроды! На высоту! Кто назад – расстрел!»

Бегут. Ноги вязнут в грязи. Впереди – промзона, какие-то цеха, заборы, старая техника. Из окон и с крыш идёт шквальный огонь. Пацаны падают как подкошенные. Кричат не «Ура!», а «Мама!» и «Блядь!»

Первую атаку отбили. Костяг залёг в воронке от бомбы с ещё несколькими солдатами. Рядом лежит труп молодого лейтенанта – того самого, что кричал и ржал про Родину.

Полголовы снесло. Мозги вытекают и смешиваются с грязью, кровью и говном. Страшная вонь. Костяг вытащил из его кармана пачку сигарет. Закурил. Руки трясутся.

Слышит команду: «Вперёд, блядь! Зачистить цех!» Это верная смерть. Из окон второго этажа бьют пулемёты. Сзади уже идут свои, прикрытие.

Костяг с другими бойцами поднимается. Бегут. Ребята падают десятками. Костяг споткнулся о тело, упал – это его и спасло. Пулемётная очередь прошла над головой. Дополз до стены.

До цеха добралось человек десять.

Они забрасывают цех гранатами и врываются внутрь. Темно, пыль, дым. Стрельба, крики на непонятном языке. Видит врага впервые – испуганный мальчишка лет восемнадцати. Костяг не думает. Автомат на животе – очередь. Мальчишка падает. Тут же отбрасывает в стену – взрывная волна от очередной бомбы. Треск рвущегося бетона, скрежет металлоконструкций. Громкие крики на чужом языке – отдаются эхом в контуженной голове солдата.

Дрались в темноте, как звери. Ножам, прикладами. Кричали от страха и ненависти. Здесь уже не было ни своих, ни чужих. Была одна большая бойня.

Через полчаса выстрелы и взрывы стихли. Они сидели среди трупов. Свои, чужие – всё перемешалось. Костяг был весь в чужой крови. Подошёл офицер. Посмотрел на него, на лежащие трупы в цеху:

– Молодец, орёл! Полсрока откинулось!

В ушах стоял звон. Костяг сидел на ящике из-под патронов. Руки тряслись так, что он не мог зажечь сигарету. Спичка ломалась. Щадящая вспышка, и едкий дым ударил в лёгкие. Рядом санитар зашивал живот парню, который на одной ноте выл. Как раненый пёс. Костяг отвёл взгляд и уставился на свои сапоги. Они были мокрыми не только от грязи. Он понимал – от чего. Дочь, Катька, рисует фломастерами. Говорит: «Папа, это ты в сапогах». А на этих сапогах... Он сделал ещё одну глубокую затяжку, чтобы перебить мысль. Потом нагнулся, с трудом стянул сапог и вылил из него тёплую, грязную, вонючую, красноватую жижу в чёрную вражескую землю. Надел обратно на мокрый носок.

Костяг не почувствовал ничего. Ни радости, ни гордости. Только вкус крови на губах и понимание: та свобода, за которую он здесь убивал, уже не будет той, о которой он мечтал на зоне. Он за неё кусок души своей оставил. И впереди ещё пять таких же штурмов.

Город ещё дымился. Гарь въедается в стены, в мостовую, в лёгкие. Трупы убирали вторые сутки, но запах оставался. Смесь пороха, крови и бетонной пыли. Запах победы.

Десант вошёл за два дня. Ещё через три контрштурм противника захлебнулся. Северный фланг взяли в клещи. Командование врага сдалось, когда поняло, что Запад не придёт. Запад молчал.

Западные СМИ, привыкшие комментировать каждую пе-

редвижку войск, оставались в вакууме. Ни сводок, ни аналитики, ни гневных заявлений. Только редкие, сухие сообщения: «Ситуация развивается». Такого не было никогда.

25.01.2024. Столица Страны. Кабинет президента. 7:00.

Людмила вошла в приёмную ровно в семь. Свет в кабинете шефа горел. Она уже знала этот свет – не ночник, не дежурная лампа. Верхний. Значит, он не ложился.

Она нажала кнопку внутренней связи.

– Доброе утро, Михаил Сергеевич. Кофе? Чай?

– Привет, Люда. Ничего не надо. Отмени всё на сегодня.

Встречи, звонки.

– В семь тридцать Виктор Павлович... – она запнулась. Не знала, как теперь называть бывшего президента. – Его тоже отменить?

Ворошилов задумался.

– Нет. Его не отменяй.

Кортеж подъехал к 7:25. Виктор Павлович шёл по коридорам неторопливо, вглядывался в стены. Здесь сменили ковровую дорожку, перевесили часы, убрали его портрет в конце коридора. Он не обижался. Это был уже не его коридор.

Дверь в кабинет приоткрыта. Он вошёл, закрыл за собой плотно, щёлкнул замком.

– Здравствуйте Михаил Сергеевич! – голос бодрый, почти праздничный. – Поздравляю. Блестящая операция. Войдёт в учебники.

Ворошилов сидел спиной к двери, лицом к окну. В окне

было темно. Ещё не рассвело. Просто ночь сменялась серой, безликой мглой.

Он развернул кресло. С усилием. Лицо белое, глаза мутные, взгляд скользит по комнате, ни за что не цепляется.

– Доброе утро Виктор Палыч. Спа-си-бо. Завтра... привезут марионетку. Живого взяли.

На столе стояла почти пустая бутылка коньяка. Рядом – опрокинутый стакан. Галстук комком у локтя, рубашка вылезла из брюк, под мышками тёмные пятна пота. Он сидел, облокотившись на стол, держался за него, чтобы не упасть.

Виктор Павлович смотрел. Не осуждал. Не удивлялся. В этом пьяном, разбитом человеке он видел себя. Двадцать лет назад. Тоже утро, та же победа, тот же стакан на столе и вопрос, на который нет ответа.

Ворошилов поднял глаза.

– Вы специально не стали проводить её сами? – спросил он.

Бывший президент усмехнулся.

– Конечно. Думаешь, я не видел, как ты смотришь на карты в моём кабинете? План «Северного удара» лежал на столе не потому, что я забыл его убрать. Он лежал, чтобы ты его увидел. Чтобы, когда придёт твой час, знал, какую кнопку нажать. Старый должен не просто уйти. Он должен оставить наследнику подарок. Не страну в дерьме – страну на пороге победы. И я оставил.

Ворошилов кивнул.

– Блестящая операция. – повторил он. Слова вышли тяжёлыми, горькими. – Знаете, сколько наших? Долгов докладывал...

Он зашарил по столу, сдвигая бумаги, нашёл смятый листок. Поднёс к глазам, но не читал – он знал цифры наизусть.

– Тридцать тысяч.

Он стучал пальцем по столу. Каждый удар отдавался в висках.

– А их? – он ткнул в темноту за окном. – Их – около пятидесяти. Вместе... всех вместе... – голос сорвался. – Восемьдесят тысяч трупов, Виктор Палыч. Я отдал приказ и получил восемьдесят тысяч трупов.

Он не плакал. Слёз не было. Была сухая, разрывающая истерика. Смесь ужаса, вины и дикой, беспомощной ярости на самого себя. Он смотрел на бывшего президента воспалёнными глазами.

Виктор Павлович молчал. Подошёл к тумбе, налил стакан воды. Поставил перед Ворошиловым.

– Пейте.

Ворошилов сделал глоток.

– Как Вы с этим справлялись?

Виктор Павлович опустил в кресло напротив. Тяжело выдохнул.

– Не справлялся. – Он глядел сквозь Ворошилова, куда-то в свою память. – С этим не справляются. Это просто несут. Каждый день. Как мешок с камнями на спине. Часть души

отдаёшь. Часть себя. И несёшь. Потому что назад пути нет. Потому что те, кто погибли, теперь всегда с тобой. Их выбор, их долг... и твой груз.

Он обвёл взглядом кабинет.

– Такова цена этой комнаты. Вы платите по счёту. Первый платёж по моему опыту – самый тяжёлый.

Он встал, посмотрел на сгорбленную фигуру в кресле. Вышел в приёмную.

– На сегодня встречи запланированы? – спросил у секретаря.

– Нет, Виктор Павлович. Он всё отменил.

Виктор Павлович кивнул.

– Через пару часов вызовите личного врача Михаила Сергеевича. И пусть приготовят плотный обед и свежий костюм. Он нам ещё нужен.

В утренней заре, когда город только просыпался, диктор уже озвучивал то, что свершилось прошлой ночью. Слова лились из динамиков и экранов по всей Стране. И везде – одинаково. Победа. Столица пала. Лидер врага в плену. Административные здания захвачены, документы изучаются, чиновники дают показания. В тылу противника начались партизанские акции. Местные власти в приграничных областях самораспустились, передали управление комендатурам Страны. Гражданское население при штурме практически не пострадало. Введён комендантский час.

Диктор говорил о войне, которая только что кончилась, как о деле решённом. Не требующем ни торжества, ни траура.

А на улицах уже праздновали.

В мегаполисах и маленьких городах, на площадях и в спальных районах, у заводских проходных и на автобусных остановках. Люди выходили из домов, не сговариваясь. Выходили, чтобы обнять первого встречного, чтобы кричать, чтобы плакать. Салюты гремели над Столицей, в провинциях, над теми местами, где салютов не было даже в Новый год. Бутылки передавали из рук в руки, флаги вывешивали на балконах. Кто-то пел, кто-то просто стоял и смотрел в небо.

Два года напряжения выплеснулись за одну ночь.

Два года люди жили с чувством: худшее впереди. Фронт, даже далёкий, может приблизиться в любую секунду. А Хорошие новости – это только передышка, а не победа.

А потом пришло чудо. Такое, какое не заказывают, не покупают, не выпрашивают. Оно просто случилось. И теперь люди вышли на улицы, чтобы убедиться: это правда. Не фейк, не пропаганда, не «не всё так однозначно». Правда, которую можно потрогать. Обнять соседа – его лицо залито слезами. Выпить на халяву – бутылки сейчас открывают все. Кричать и петь до хрипоты.

Кто виноват в этом чуде? Солдаты, которые шли на смерть? Или главнокомандующий, который рискнул и отдал приказ? Вопрос, на который не ответят даже спустя годы.

Сейчас было не до ответов. Сейчас было только ликование. И надежда: победа – не финальная точка, а начало чего-то нового. Настоящего.

Запад проснулся от другого.

От осознания, что их союзник проиграл войну. Столица пала, лидер в плену, армия разбита. А они, западные правительства, не смогли ничего сделать. Ни помочь, ни остановить, ни даже вовремя понять, что происходит.

Сначала растерянность. Потом страх. А потом на улицы вышли люди.

Митинги захлестнули Берлин, Париж, Лондон, Рим. Тысячи, десятки тысяч. Люди требовали ответов. Куда ушли их налоги? Почему оружие, которое поставлялось годами, не спасло союзника? Кто ответит за провал? Кто скажет правду о том, сколько на самом деле погибло?

Правительства молчали. СМИ, ещё вчера готовые комментировать каждый шаг, тоже молчали. Информационный вакуум – такого не было никогда – повис над западными столицами.

А за закрытыми дверями уже собирались экстренные совещания. Один саммит, второй, третий. Обсуждали: с кем теперь иметь дело в стане побеждённого врага? Как удержать армию от капитуляции, как сохранить хоть какую-то власть, как объяснить гражданам, что их деньги, их правда – проиграны?

Ответов не было. Только новые вопросы. И безмолвие, ко-

торая становилась всё тяжелее с каждым часом.

Голос диктора в новостях давно смолк. Но его слова остались висеть в воздухе: «Столица пала. Но война не закончена».

Никто не знал, что будет дальше. Но сейчас это было совсем не важно. Важно лишь только то, что есть этот день, этот миг, эта победа.

28.01.2024. Столица. 21:37.

Офис Ворошилова гудел. Помощники, советники, аналитики – все сновали по коридорам. С папками, планшетами, озабоченными лицами. Предвыборная кампания – ещё неделю назад никто не успел её осмыслить – теперь обретала форму.

– Всю кампанию можно разбить на несколько подпроектов, господин президент. – Помощник, молодой, энергичный, с горящими глазами, размахивал указкой перед слайдами. – Разработка общего плана, формирование штаба, финансирование, информационное сопровождение, агитация...

– Стоп.

Ворошилов поднял руку. Указка замерла.

Он обвёл взглядом собравшихся. Уставшие лица. Кофе в одноразовых стаканчиках. Мешки под глазами. Они старались. Делали то, что умели. Но всё это – слайды, подпроекты, презентации – было ему чуждым.

– Вот что я хочу.

Он взял ручку, набросал на чистом листе несколько строк:

– Снижение инфляции. Развитие села, деурбанизация. Здравоохранение. Развитие территорий. Экономика – внутренняя и внешняя. Оборона.

Помощник открыл рот, но Ворошилов опередил:

– Акцент – на селе. На аграриях. Нужно выйти на сто сорок процентов самообеспечения продуктами. Закрыть рынок от западного и южного импорта. – Он отложил ручку, посмотрел на листок. – Всё остальное – ваша работа. Вы тут профессионалы, занимайтесь.

Люди молча переглянулись. Программа выглядела странно. Слишком узкой. Слишком... не о войне. А война должна была стать главной темой.

Но в этом и был расчёт. Ворошилов знал – победа уже случилась. Столица врага пала, лидеры в плену, фронт затихает. Говорить о войне сейчас – значит продолжать её. А он хотел её закончить. Не только на поле боя – в головах. В экономике. В том, что люди будут есть завтра и через год.

Сельское хозяйство становилось не просто отраслью. Символом. Отказ от импорта, опора на свои руки, на свою землю – это понимали все. Не требовало объяснений. И это отличало его от того, кто сидел в этом кресле до него.

Финансирование для своей предвыборной программы он собирал по старым связям. Министерство аграрной политики, знакомые, те, кто ещё помнил его по прежней работе. Ни

копейки из государственной казны. Ни одного официально-го запроса. Только частные деньги и частные обещания. Се-ло было за него. Оставалось убедить город.

А город тем временем не спал. Офис временно исполня-ющего обязанности разрывался от звонков. Каждый хотел встретиться, обсудить, предложить, предостеречь.

– Господин президент, завтра у нас запланировано... – по-мощница перечисляла, загибая пальцы. – Долгов, министр обороны. Арбинский от союза предпринимателей. Морозов с научными исследованиями. Андреев – по просьбе Виктора Павловича...

– После Андреева всё перенеси.

Она кивнула, вышла, плотно закрыла дверь.

Андреев пришёл ровно в десять. Дорогой костюм, иде-альная улыбка, взгляд, который ничего не пропускает. По-здравил с операцией, назвал блестящей, упомянул, что они с Виктором Павловичем волновались.

– Валентин Викторович справился. – ответил Ворошилов. – Он теперь наш герой. Армия и спецсредства сработали как часы.

Андреев кивнул.

– Да, кстати, о Долгове. – Он поправил манжет, не глядя на собеседника. – Тут появилась информация. От людей, ко-торые Вам искренне преданы. Говорят, у Валентина Викто-ровича некоторые родственники слишком активно вкладыва-ются за границей. Именно за той границей, что по ту сто-

рону наших баррикад.

Ворошилов посмотрел на него.

– Провокация.

– Конечно, провокация. Я в этом даже не сомневаюсь. Но, Михаил Сергеевич, народ вряд ли разберётся. И наши западные партнёры тоже. Они любят простые картинки. Министр-предатель. И это ляжет на Вас. На молодого, неопытного лидера, который доверился не тому человеку. Виктор Палыч просто с ума сойдёт от беспокойства.

Ворошилов молчал. Смотрел на Андреева, и в голове шёл безжалостный расчёт. Долгов был его щитом. Но Андреев прав – щит может стать уязвимостью. Особенно если за ним стоят не только враги, но и «друзья».

– Должность министра обороны предполагает полное доверие. И это доверия сейчас есть. – сказал он твёрдо. – Долгов зарекомендовал себя блестяще. Исполнителен, отважен, рассудителен. Зачем менять коня на переправе?

– Коня и не надо, – мягко возразил Андреев. – А вот щит... Громов – человек проверенный. Прямой. Никаких заграничных дел. Он станет вашим щитом. А Долгов... он Вашим щитом быть не может. Он ваша самая уязвимая точка.

Ворошилов записал что-то в блокнот.

– Я подумаю. – сказал Ворошилов.

Зазвонил телефон. Помощница напоминала о звонке патриарха. Андреев поднялся, поправил пиджак.

– Ах да, с владыкой. Знаете, он очень уважает Виктора

Палыча. Защитник традиционных ценностей, всегда так говорит. – Он остановился у двери. – Патриарх мудрый человек, но в современных экономических и политических рисках разбирается плохо. Не стоит утруждать его... специфическими вопросами.

Вышел. Не попрощался. Дверь закрылась.

Ворошилов сидел неподвижно. Звонок патриарха, разговор о традиционных ценностях, намёк на то, кому они обязаны своей поддержкой. Всё это не случайно. Всё это – давление.

Он нажал кнопку внутренней связи.

– Если господин Андреев снова попросит о встрече – отказывайте. До моих новых распоряжений.

Ворошилов откинулся в кресле. Политическая гонка только начиналась. И теперь он знал, что бить будут не в лоб.

Он посмотрел на список, написанный его рукой. Село. Экономика. Здравоохранение. Оборона.

А где-то между строк, невидимое, невысказанное – то, что действительно предстояло защищать.

Себя.

Студия главного телеканала

Свет софитов. Трансляция в прямом эфире. Первая настоящая проверка после того, как он стал тем, кем стал.

Радилов, оппонент от коммунистов, сидел напротив. Руки лежали на столе как на трибуне. Его манеру знали все,

кто смотрел политические дебаты последние двадцать лет: грудь колесом, апелляции к великому прошлому. Которого никто в зале и не помнил. Он уже несколько раз участвовал в президентских гонках и каждый проигрывал с огромным отставанием. И каждый раз возвращался с тем же набором лозунгов.

– Вы ни в одном интервью не говорили о будущем ветеранов! – Радилов ударил ладонью по столу. – Где в Вашей программе работа с теми, кто воевал? Они больше не нужны стране?

Ворошилов смотрел на Радилова без вызова и без желания спорить.

– Если Вы помните, в ходе войны Виктор Павлович давал определённые гарантии ветеранам. Социальные в том числе. – Голос спокойный, не повышен. – Я не намерен пересматривать эти обещания. Они будут выполнены. На сто процентов. И я не стану прикрываться чужими словами как своими собственными усилиями. Бюджет на сегодня сбалансирован. Если появятся дополнительные поступления мы подумаем, что ещё можно сделать.

Радилов хотел что-то добавить, но Ворошилов опередил:

– Что касается уровня жизни... Вы спрашиваете, как бороться с инфляцией. Отвечу. – Он чуть подался вперёд. Камера тут же взяла крупный план. – Есть способы, которые уже работали. Кстати, их внедряли Ваши же предшественники. Я их идеи одобряю. Но мы живём уже в другое время.

Сейчас правовое управление администрации готовит президентскую инициативу. Жёсткую. Широкую. Она коснётся миллионов людей и целых отраслей. Мы хотим предложить убрать искусственные надстройки в бизнесе. Те самые цепочки посредников, которые разгоняют цены на бытовом уровне. Способ рабочий. Но такие меры должен предлагать не временно исполняющий обязанности. А тот, кто будет за них отвечать лично. Когда станет президентом.

Ворошилов продолжал увереннее.

– Кроме того, мы обсуждаем политику Центрального банка. Я, как бывший премьер-министр, был с ней не совсем согласен. У нас были наметки, готовили их с Минфином, мои коллеги не дадут соврать. – Он почти улыбнулся. – Я не буду сейчас вдаваться в детали. Это не совсем публичная история. Всё ещё раз посмотрим, взвесим, обговорим с ЦБ, а потом расскажем.

Он перевёл взгляд на Радилова. В голосе появилась новая, твёрдая нота:

– А Вы, Григорий Петрович, всё о коммунистическом наследии говорите. Скажите, как Вы собираетесь возвращать релокантов? Как будете восстанавливать семьи, которые разбросало по миру?

Радилов открыл рот. В его программе этого пункта не было. Ворошилов знал это. Зрители – тоже.

Через час после эфира социологи дали первые цифры – разгром. Радилов проиграл не просто по очкам. Он проиграл

по сути.

Но у Ворошилова был и другой противник.

Зарецкий пришёл оттуда, откуда приходят не политики. Продукты. Корпоративный истеблишмент, дивиденды, махинации, которые называли «эффективным менеджментом». Он был альтернативой. Мнимой, театральной, почти кукольной. И кукловоды, которые держали нитки, умели делать так, что кукла казалась живой.

Его показывали везде. По всем каналам, даже на тех, которые Ворошилов считал своими. Он не давал классические интервью – он показывал закулистье. Играл на гитаре, кормил бездомных, бегал по утрам, сидел на трибуне с простыми болельщиками. Ролики снимали лучшие режиссёры рекламы. Сценарии писали те, кто знал, как продать надежду.

Зарецкий приходил на стримы к популярным геймерам, к бьюти-блогерам, к зожникам, к молодым политическим обозревателям. Говорил о ценностях, о свободе, о будущем для детей. Инфляция, изоляция, война – всё исчезало из его нарратива. Оставались яркие картинки, обещания, образ светлого завтра.

Миллионы смотрели и верили. Митинги собирали толпы, концерты гремели на всю страну, спортивные мероприятия становились политическими платформами. Зарецкий был везде. Не ошибался. Не промахивался.

Ворошилов смотрел на его рейтинги и внутри что-то сжималось. От понимания. Зарецкий – идеальный продукт. И

этот продукт продавали те, кто ещё вчера продавал войну, санкции, страх. А теперь продавали надежду. Ту же самую, только в другой упаковке.

Он не мог спросить у Виктора Павловича, стоит ли за Зарецким его рука. Не мог. Потому что ответ разрушил бы всё. Или подтвердил бы то, что он и так знал: предшественник играет на всех полях. И это и есть настоящая политика.

В тоже время, Ворошилов был не единственным, кто искал ответы.

Алекс Неская нашла зацепку там, где не искала. Среди сотен фотографий в соцсетях бывшего мужа. С форума «Фармацевтика и БАД» в Женеве. Она уже хотела пролистать дальше, но взгляд зацепился за силуэт на заднем плане. Знакомый. Приблизила, вгляделась. Рядом с Максимом стоял Зарецкий. В делегации западной корпорации. Ещё до того, как стал кандидатом. До того, как его лицо появилось на каждом экране.

Сердце сжалось. Зарецкий и Дилин вращались в одних и тех же кругах. А эти круги были за границей. За той самой, что Ворошилов называл «по ту сторону баррикад».

Она смотрела на фотографию. Внутри закипало то, что она считала давно выжженным. Обида. Ярость. Желание докопаться до правды – любой, самой грязной, самой опасной. Теперь у неё был личный интерес.

Бар нашёлся в переулке, где даже фонари светили неохотно. Внутри душно, пахло табаком и дешёвыми духами. Музыка играла так, чтобы не мешать разговорам. Столики стояли достаточно близко, чтобы подслушивать, и достаточно далеко, чтобы делать вид, что не подслушиваешь.

Алекс допивала второе пиво. В мессенджере загорелось новое сообщение.

Аккаунт «Холодный»: Добрый вечер. Ну допустим, Артём. Что хотели?

Она улыбнулась. Ключнул.

Алекс: Я журналист. Алекс Неская. Исследую пиар-технологии. Наши общие знакомые рекомендуют вас как очень специфичного и очень компетентного специалиста. Гарантирую полную конфиденциальность.

Ответа не приходило около часа. Алекс не торопила. И ответ пришел.

«Холодный»: О, я вас знаю. Читал ваши расследования. Дайте подумаю.

Она почти видела, как он там, за экраном, колеблется, прикидывает, взвешивает. Молодой, амбициозный, польщённый вниманием.

Встречу назначили через два дня. Бар, где официанты знали имена гостей. Алекс приехала на такси. Артём ждал у входа. Курил. Стрижка, пиджак, часы.

– Добрый вечер, Артём! – Алекс улыбнулась – той улыбкой, которую репетировала перед зеркалом. Тёплой, чуть ко-

кетливой, ровно настолько, чтобы он почувствовал себя особенным. – Спасибо, что пришли.

– Здравствуйте. – Он смутился, затянулся сигаретой. – Не за что. Рад поделиться опытом.

– Ну, я готова. А Вы?

– Докуриваю – и идём.

Она ждала, пока он докурит.

– А Вы давно курите?

– С детства.

– Надо бросать. Вы такой молодой, красивый. Поберегите здоровье.

Он улыбнулся, открыл перед ней дверь.

Пиво принесли быстро. Заказали по второму, когда Алекс раскрыла блокнот. Диктофона не было – условие Артёма. Она делала вид, что записывает. А на самом деле запоминала каждое слово.

– Артём... Я начала своё исследование с простого факта: «классические СМИ умирают». Им на смену приходят гибридные проекты. Такие, как Ваш. Вы ведь не просто транслируете новости – Вы создаёте повестку. Нарратив. Как Вы выбираете темы? Что в приоритете?

Он оживился. Подался вперёд, заговорил быстрее, увереннее.

– Ну, не согласен про «создаём нарратив». Скорее чувствуем тренды. Общество устало от чиновничьих докладов, от лакированных новостей. От войны, от элит... Мы даём

правду без купюр. И надежду. Что есть люди, которые не боятся говорить прямо.

– Прямота чувствуется. – согласилась Алекс. – Но масштаб требует ресурсов. Денег, кадров. Как справляетесь? Краудфандинг? Реклама?

– Народная поддержка. – Он насторожился, но не так, чтобы испугаться. – Люди донатят. Плюс партнёры, спонсоры, которые разделяют наши ценности. Но мы ни от кого не зависим. Ни от государства, ни от бизнеса.

– Независимость – ключевой фактор. А партнёры в основном отечественные? Или есть и международные? Сейчас многие фонды поддерживают независимые СМИ.

Он улыбнулся. Довольно. Снисходительно. Как человек, который знает то, чего не знают другие.

– Ну, между нами... не для протокола. Есть и те, и другие. Главное, чтобы философия совпадала. Недавно заключили сделку с... – он запнулся. – В общем, с международным фондом. Связан с крупными фарм-компаниями. Они везде инвестируют в будущее – медицина, питание. Деньги идут на ролики, инфографику. Где-то помогают раскрыть то, что между строк. Дальше – дебаты, круглые столы, хайповые темы.

– Настоящая народная медиа-машина. – Алекс подалась вперёд, и в её голосе зазвучало то, что он принял за восхищение. – Удивительно, что такой молодой человек умеет координировать такие сложные процессы. Но я всё-таки хотела

бы подробнее о финансировании. Понимаете, время сейчас такое. И... Артём... я не пытаюсь залезть к вам в карман, но... Вас пытались купить? Заказные статьи? Стоп-листы?

Он не отвёл взгляд, но что-то в нём изменилось. Сжалось.

– Любой паблик с подписотой от десяти тысяч с этим сталкивается. Были предложения. И деньги, и... как бы это сказать... «крыша». И от официалов, и от тех, кто не очень.

– И? – Алекс сделала глоток пива. – Вы отказались? В Вашем возрасте это очень сильный поступок. Сложно отказаться от лёгких денег и сохранить достоинство.

Он хотел сказать «да». Она видела это. Но слова застряли в горле. Потому что она смотрела не на его лицо – на его руки. Часы. Стекло, ремешок, механизм. Который стоил больше, чем годовая зарплата менеджера среднего уровня.

– Артём... – спросила она мягко, как спрашивают о погоде. – У Вас богатые родители?

– Обычные! – Он напрягся. – А при чём тут это?

– Просто пытаюсь понять, как молодой человек в двадцать два года, даже при успехе его канала, может позволить себе такие часы. – Она улыбнулась, но в улыбке уже не было тепла. – Я такие, кстати, видела у Зарецкого Кирилла Владимировича. На фото.

Он побледнел. Вскочил, бросил на стол смятую салфетку.

– Да, Александра! – голос сорвался. – Не насосал, а подарили. Можете так и записать. Всего доброго.

Он вылетел из бара, даже не заплатив. Алекс смотрела ему

вслед. Внутри росло тяжёлое удовлетворение. Она раскусила его. На часах. И он это понял. Теперь оставалось раскрутить дальше. Теперь это было делом времени.

Такси везло её через ночной город. Капли дождя на стекле, огни фонарей, радио бормотало что-то про победу, про стабильность, про светлое будущее. Алекс не слушала. Она смотрела на телефон, на фотографию, которая стала началом. Зарецкий. Дилин. Конференция в Женеве. Часы на запястье мальчишки, который думал, что он главный.

Она вышла из машины. Голову не поднимала из телефона. До подъезда оставалось несколько шагов.

Удар пришёлся в затылок. Голова поплыла. Колени ударились об асфальт. И сразу же удар в рёбра. Ногой. Воздух вылетел из лёгких со свистом. Она упала на бок, застонала. Ещё один удар в лицо.

Чья-то рука схватила за волосы, дёрнула вверх.

– Где телефон? Стирай всё! Полностью! Всю память!

Она не думала. Пальцы сами нашли нужные кнопки. Сброс до заводских. Потухший экран. Она протянула телефон, показывая, трясясь от боли и страха.

– Вот! Вот!

Преступник вырвал аппарат, разбил пяткой. Осколки брызнули по асфальту. Снова удар в лицо.

Темнота.

Очнулась от холода. Щека горела, рёбра ныли, во рту – вкус крови. Сумка валялась рядом, вывернутая. Косметика,

мелочь. Кошелёк на месте. Телефон уничтожен. Блокнот исчез.

Она поднялась, держась за стены. Доплелась до квартиры, свет не включала. В ванной наощупь нашла кран, сунула лицо под струю. Вода смешалась с кровью, потекла розовая, потом прозрачная. Она стояла и смотрела как стекает.

– Не плакать. Не смей плакать, тварь.

Она закусила губу, пока не почувствовала солёный привкус собственной крови. Взгляд упал на тюбик тонального крема в корзине. Замазать синяк.

– Вот так, девочка, всё смоемся.

Она вытерла рот, взяла тюбик. В зеркале – разбитое лицо, подзаплывший глаз, опухшая губа. Она сразу поняла кто и зачем это сделал. Телефон уничтожен, блокнот украден. Деньги не тронули. Ей просто указали на место.

Алекс посмотрела на своё отражение и улыбнулась сквозь боль. Теперь она знала точно, что она на верном пути. И завтра, когда синяки станут желтеть, она продолжит.

Защищённая линия

Тихий, едва уловимый щелчок. Ворошилов сидел за столом. Перед ним – чистый лист бумаги, на котором он успел набросать какие-то цифры. Теперь цифры не имели значения. Голос из динамика – спокойный, почти домашний. Но Ворошилов слышал в нём то, что слышат только те, кто сам живёт на линии фронта. Не военном – политическом.

– Михаил Сергеевич, премьер-министр из Будапешта на линии.

– Соединяй.

Он взял трубку, кивнул переводчику.

– Андраш, здравствуйте. Ценю, что нашли время. И смелость.

– Михаил, добрый вечер. – Голос Андраша Балоба ровный, но в нём чувствуется та усталость, которая бывает у людей, слишком долго балансирующих между молотом и наковальней. – Время – это то, чего у нас обоих нет. Говорю напрямую. В Брюсселе готовят двенадцатый пакет санкций. Нацелен на ваши нефтехимию и банки.

– Да, мы в курсе. – Ворошилов сделал короткую паузу. – Какой на этот раз повод?

– Выборы, Михаил. Ваши выборы.

В голосе Андраша нет издёвки. Констатация. И предупреждение.

– Их считают фарсом. Легитимизацией преемственности власти. Если Вы победите в первом туре с результатом выше семидесяти процентов – они расценят это как сигнал к ужесточению давления.

– А если меньше? – Ворошилов усмехнулся, но уже знал ответ.

– Тогда они смогут оспаривать результаты. – Андраш помолчал. – Вы же понимаете, чего ждут от Вас.

– Понимаю. – Ворошилов откинулся в кресле, глядя в по-

толок. – А Вам что нужно, Андраш? Сохранить южную ветку газопровода? Или чтобы наши АЗС продолжали у вас работать?

– Мне нужно, чтобы мои граждане не замерзали следующей зимой. – Голос премьера стал жёстче, но не потерял искренности. – И чтобы у меня были аргументы в Брюсселе. Сейчас их нет. Ваши успехи на фронте пугают Запад сильнее, чем Ваши поражения. Победителя будут давить всеми силами.

– Вы предлагаете нам проиграть?

Ворошилов спросил без обиды. Почти с любопытством.

– Нет-нет-нет. – Андраш нервно рассмеялся. – Я предлагаю думать о том, что будет после выборов. Если Вы объявите о начале мирного процесса, хотя бы за неделю до голосования... это может обрушить основу для новых санкций. Умеренные силы, в том числе и мы, получают аргумент. Будет что предъявить комитету.

– Прекратить наступление, когда противник дрогнул? – Ворошилов почувствовал, как в груди закипает. – Дать им время на перегруппировку, на поставки вооружений? Это воспримут как предательство. И взорвёт фронт.

– Тогда Вам нужно готовиться к полной финансовой блокаде. – Андраш заговорил почти шёпотом. – И, Михаил... следите за своими «либералами». Недавно некоторых из них видели в Будапеште. Не с официальными лицами. С представителями, скажем так, крупных консорциумов и корпо-

раций. Тех, что выкупают пачками перспективные стартапы. Они что-то готовят.

– Благодарю за информацию. Мы позанимаемся этим вопросом.

– Всего доброго, Михаил.

– Всего доброго, Андраш.

Связь оборвалась.

Ворошилов смотрел на чистый лист бумаги – ещё час назад собирался писать что-то важное. Теперь видел только карту. Страну. Границы, которые не защитишь ни победами, ни переговорами, если те, кто должны стоять за твоей спиной, уже стоят в очереди за чужими деньгами.

Он не стал звонить Долгову. Просто сидел и смотрел в окно. Над Столицей занимался мутный рассвет. И думало том, что война не кончается, когда затихают пушки. Она кончается, когда затихают голоса. Или, когда их покупают.

Утро. Мировые СМИ.

Заголовки.

CND: «...аналитики считают, что возможные связи Долгова со структурами частных инвестиционных платформ на Виргинских островах не могли не быть санкционированы Ворошиловым. Это может стать рычагом давления Запада. Если доказательства будут убедительными, это поставит крест на любых переговорах о снятии санкций...»;

WestNews: «Выборы в Стране – это плохо срежиссирован-

ный спектакль. Настоящая борьба ведётся в тени. И если оппозиция не сможет представить убедительную альтернативу, мир будет вынужден иметь дело с режимом, чья легитимность поставлена под сомнение...».

Ворошилов читал. У него не было ни гнева, ни удивления. Он ждал этого. Но знать и быть готовым – разные вещи. Готовым к удару, который наносят по тем, кто рядом. По тем, кто верит. По тем, кто ещё не продался. Или уже продался, но не знает об этом.

Он выключил монитор. За окном всходило солнце. Первый день февраля. До выборов – пара месяцев. До того, как кто-то нажмёт спусковой крючок в этой новой войне – неизвестно. Может, дни. Может, часы.

Ворошилов обхватил лицо руками.

– Долгов. Что же ты наделал.

Саша рефлексировала неделю. Изучала старые статьи. Смотрела на фотографии времён института.

И тут увидела фотографию.

Она с одноклассниками на какой-то пьянке. Поодаль от неё Сергей. Странный парень, повёрнутый на компьютерах. Он постоянно пытался добиться её внимания. Она отшивала его раз двадцать.

Когда-то давно Серёжа сделал подарок – кнопочный телефон. Чистый, не привязанный к паспорту. Алекс подумала: этот гик, возможно, сможет помочь. Она решила исполь-

зовать все возможности, чтобы отомстить Зарецкому и Артёму. Поставила разряженный старый телефон на зарядку и ушла в другую комнату.

– Добрый вечер, Саша. – Сообщение с неизвестного номера. – Уж не думал, что когда-нибудь этот телефон будет активирован.

– Привет, Серёж... – ответила Алекс. – Ты тогда сказал, что этот телефон для экстренных случаев. Сейчас у меня именно такой случай.

– Дела хорошо, жив здоров. – Сарказм чувствовался даже в тексте. – Саш, восемь лет молчания. Замуж вышла, развелась. Восемь лет ты не вспоминала о моём существовании. Проблемы? Пусть твои мужья и ухажёры помогают.

– Перестань, – пишет Алекс. – Мы взрослые люди. У каждого своя жизнь. Но мне действительно нужна помощь. Я готова заплатить.

– Как скажешь. Просто интересно, что заставило царевну спуститься с небес в наш мир «недостойных». Расскажи, что случилось. Я подумаю, что можно сделать.

Алекс подробно рассказала Сергею о последних неделях. Сергей молчал пять минут. Десять. Через сорок минут пришло сообщение:

– Хорошо. Но учитывая моё время и риски...
– Я заплачу. У меня есть деньги. – Она воодушевилась.
– Деньги? Неее... У меня их достаточно. Я хочу самое дорогое для тебя, Саша.

Алекс знала, что мужчины не любят, когда их отшивают. Тем более, когда отшивают двадцать раз. Она смотрела на экран. Руки тряслись, сжимая телефон. Хотела швырнуть его – но рука сжала ещё сильнее. Вспомнила насмешку в голосе мужа в последнюю их встречу. Как её били у дома люди Зарецкого. Жажда мести перевесила. Внутри что-то ломалось. Та самая гордость, которая защищала её столько лет.

– Я поняла, Серёж. «Я согласна». – написала Саша.

Она отложила телефон, встала, посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Завершала торг с собой за возможность мести.

– По рукам, Александра. Я свяжусь, когда что-то найду.

Следующие несколько дней она не выходила из дома. Заказывала еду с доставкой на дом. Посылала за алкоголем и сигаретами соседа Димку.

Внутренний волнение усугублялось. Информационный вакуум. Сомнения.

Через несколько долгих дней ожидания пришло сообщение:

– Я закончил. Приезжай в сквер, где мы бухали на четвёртом курсе, к 19:00. Покатайся по метро сначала, ветки меняй. Потом садись на старый трамвай – там камер нет.

Алекс помнила условие Сергея. Стояла, смотрела в зеркало. Решалась отдаться нелюбимому человеку. Чувствовала себя шлюхой перед первым клиентом. Но собралась с духом. Вышла на улицу.

– Пойдём. – скомандовал Сергей, когда Саша подошла к нему в сквере.

Они шли молча. Завернули во двор старой трёхэтажки. Поднялись на второй этаж, зашли в квартиру.

Алекс прошла в комнату, бросила куртку на пол. Кожа покрылась мурашками от тошноты, поднимающейся из желудка. Тело отказывалось участвовать, но разум уже подписал договор.

Сергей сел за компьютер, открывал какие-то файлы. Саша расстегнула молнию, стала снимать платье. Оголила плечи и чёрный кружевной бюстгальтер.

– Ты этого хотел?! – сквозь зубы прорычала Алекс. – Забери.

– Однако. – Сергей не отвёл взгляда от монитора. – Ты всё так же думаешь, что все вокруг тебя хотят и мечтают о тебе...

Алекс застыла. Готовность отдаться – и отказ Сергея – ударило в середину между рёбер. Дыхание замерло.

– Ты не мстишь, Саша. Ты ищешь хозяина. – цинично буркнул хакер, продолжая настраивать что-то в технике.

Она опустила на колени. Не сексуально, а в жесте капитуляции. Плечи дёргались, но слёз не было. Они закончились тогда, у подъезда, когда её избивал тот ублюдок.

Неская надела платье. Осторожно подошла к Сергею.

– Да что же тебе тогда надо? – спросила испуганно.

– Мне нужно, чтобы ты написала статью. – монотонно

ответил Сергей. – Компрометирующую. Нарратив. Действовать быстро. Статья нужна через два дня.

– Что за статья, Сергей? Заказ? – испуганно спросила Саша.

– Да, заказ. Чистой воды влияние на рынок. На конкретную компанию, на конкретного человека. Для тебя и твоего таланта не составит труда немного приукрасить ситуацию. – Он уверенно продолжал. – Мы разместим статью, ты её репостнешь у себя в блоге. Потом отмажешься, что не разобралась, что тебя дезинформировали, извинишься... В общем, придумашь что-нибудь. – Сергей махал пальцами.

– Покажи. – Голос полный ненависти к себе.

Он подозвал её, показал монитор ноутбука, рассказывая.

– Вот, смотри. Видишь рост? «Здоровье детям». Завтра вечером у них отчётность. Прогноз – плюс двадцать процентов. Нам нужно, чтобы стало минус сорок. Чтобы выкупить их акции по дешёвке. Твоя статья выйдет завтра к девяти вечера. К десяти утра послезавтра биржа откроется.

– Это же... аппараты для недоношенных. Они же бесплатно... – шокированно прошептала Саша.

– Бесплатно – не бесплатно. Меня это не интересует. Мой заказчик не любит, когда его проекты тонут в говне журналистских разборок. Ему нужен чистый актив. Или ты думаешь, я ради твоих слёз ковырялся? Ты – инструмент. Как и я. Только у моего работодателя – вид с орбиты. И он хочет, чтобы «Здоровье детям» оказалось в правильных руках. Не в

ихних. – Он кивает в сторону экрана, где фото Зарецкого. – Так что пиши. И не задавай лишних вопросов. В этом городе ответы стоят дороже, чем твоя репутация. Вот материалы.

Сергей протянул папку с документами. Фейковые медзаключения, фото «больных» детей, «свидетельства» медсестёр.

– Ты ублюдок! Я знаю этого врача! – заорала Алекс. – Как тебе не стыдно?

– А тебе, Саш? Ты пять минут назад тут полуголая стояла. Как дешёвая шлюха. А теперь мораль читаешь? – возмутился Сергей. – То, что я нашёл для тебя, стоит куда больше твоей дырки. Я могу продать это всё Зарецкому, а бонусом ещё предоставить твои данные.

Взгляд Алекс – полный ненависти к Сергею – сменился пониманием. Принятием своего тотального поражения в этой нехитрой двухходовке.

– Что я должна написать? – Алекс смотрит на фото доктора Драчева с дочерью. Девочка в инвалидной коляске. Оба улыбаются.

– Что доктор Драчёв – садист. Ставит опыты на сиротах. Что его дочь – актриса. Что его аппараты уже убили семнадцать детей. Цифру можешь увеличить.

– Он смотрит на неё так... как мой отец смотрел на меня... – продолжает рассматривать фото врача Саша.

Хакер кивнул в сторону ноутбука, открыл другой файл.

– Сюда смотри! – выдернул Алекс из мыслей Сергей. –

Пришлось немало повозиться, но эти товарищи не блещут умом. Компании серьёзные, а на защите своих систем экономят. Видимо, отчаянно верят в свою безнаказанность. Или крышу.

Он показывает материалы. Сначала таблицу Excel из облака Артёма – все транзакции за последние полтора года. Суммы от пятисот тысяч до двенадцати миллионов. Отправители названы прозвищами «Дядя» и «Папочка». Крупные суммы поступали от «Дяди» в иностранной валюте через криптобиржи.

Потом Сергей открыл аудио- и видеофайлы. Арбинский – известный олигарх, приближённый бывшего президента – разговаривает с Зарецким в лобби отеля «Резортс». О схеме финансирования его предвыборной кампании. О распоряжениях от их общего друга.

– Затем я решил проверить связанные с Арбинским фонды и компании по суммам и датам платежей. Короче, деньги действительно поступали и на счёт предвыборного штаба Зарецкого, и на счёт Артёма. «Папочка» – это Зарецкий. «Дядя» – скорее всего Арбинский. Причём Арбинский заказывал что-то и для себя лично у Артёма. Не знаю, может, топил кого-то.

– Это... этого мало! – требовала Алекс. – Есть что-то ещё?

– Остальное получишь после своей части сделки. – захлопнул ноутбук хакер.

Алекс вернулась домой. Резко, ожесточённо сняла платье,

бельё, чулки. Выбросила в мусорку – как свидетелей падения и позора.

Руки задрожали. От отторжения самой себя. Она посмотрела на них как на чужие. Левая рука – та, что держала диктофон на допросе министра. Правая – та, что писала расследование о работорговле. Теперь эти руки будут писать заказные статьи.

В горле встал ком. Она хотела закричать. Но кричать было некому. Даже себе.

Она написала статью. Отправила Сергею. Потом получила ссылку на новость, репостнула её в своём блоге. Неизвестное лицо тиражировало её нативной рекламой на все площадки страны – телеграм, соцсети.

К шестнадцати часам следующего дня акции «Здоровье детям» падают на 48%.

В соцсетях хештег #ДрачевУбийца в топе. Люди требуют закрыть компанию, посадить всех причастных. Драчев пытается дать опровержение – его заглушает рёв возмущённой общественности. Ему приходят угрозы убийством. Он прячется. Затихает.

На следующий день акции падают на 68%. Мелкие акционеры распродают бумаги. В этот момент неизвестный инвестор закрывает все открытые позиции по акциям компании.

Среди инсайдеров слухи: это цепочка фондов, связанных с теневыми структурами самого олигарха Гарова.

День за днём динамика меняется. Сначала новости: акти-

вы опальной «Здоровье детям» выкупил один из крупнейших инвестфондов страны – «Восток». Затем: «Восток» проинвестирует компанию на сто миллионов долларов.

Через пару дней крупнейшие частные СМИ выкладывают результаты независимых расследований: «Драчев – жертва чёрного пиара», «Как западные корпорации пытались уничтожить отечественную медтехнику и забрать по дешёвке патенты». Интервью с раскаявшейся медсестрой – «под давлением дала ложные сведения». Чиновники Минздрава и работники «Здоровье детям» благодарят «Восток» за спасение компании и чести Драчева.

Спустя неделю все обвинения с Драчева и его компании сняли. Признали сфабрированными. Виновных задержали. Акции взлетели на 150% – после информации об огромных инвестициях. Драчева назначили научным руководителем предприятия, включили в совет директоров с правом решающего голоса.

Алекс сидела перед монитором. Читала статью: «Драчев оправдан: как героя медицины пытались уничтожить». Внизу – комментарии: «Простите нас, доктор!», «Страна всегда травит своих гениев!», «Слава Драчеву!!!»

Она поняла.

Её статью использовали как таран для рейдерского захвата. Драчев остался жив, репутация восстановлена. Компания и патенты теперь не его – но он всё равно у руля. Благодарность людей – не ему. Фонду «Восток», который «спас» его.

Алекс осознала: она всего лишь инструмент перераспределения собственности. Не журналист, не рупор народа, правды и справедливости. Просто инструмент. Но в чьих руках? Она и герой, и предатель одновременно. Оклеветала человека – и спасла его наследие. Она металась по комнате в поисках решения этого парадокса.

Звонок в дверь.

Курьер передаёт пакет. В нём – девяносто тысяч долларов, флешка и новый телефон.

Алекс взяла телефон. Перезвонила на единственный контакт в телефонной книге.

– Ты знал? С самого начала?

– Конечно. Стандартная схема. – Сергей улыбался в трубку.

– Я думала... Мы просто уничтожали его. А мы перекладывали собственность из одних рук в другие.

– Наконец-то дошло. Добро пожаловать в реальный мир, принцесса. – Сарказм в голосе. – Но я подслащу пилюлю. Эту компанию в следующем квартале хотела обанкротить западная «Rangea» – прямой конкурент. Шефа предупредили «друзья». Мы сыграли на опережение. Удержали производство. Не без выгоды для себя, конечно. Без нас доктор пошёл бы по миру вместе со своими патентами и дочкой. И все детишки... Ну, ты поняла. Там, кстати, флешка. Со второй частью материалов.

– Ты сможешь пояснить? – Алекс вставила флешку в но-

утбук.

– Да. Я нашёл фонды Зарецкого. Не совсем официальные. Принадлежат его племяннику, но судя по геолокации самого Зарецкого, там он бывает даже чаще, чем в предвыборном штабе. Зря он эти западные модные электронные часики носит.

– И что это за фонд? – перебивает Сергея Неская, всматриваясь в монитор.

– Официально – благотворительный фонд помощи онкобольным. Но были интересные транзакции в последние годы. Я стал смотреть дальше – через сеть прокладок в Стране и на Кавказе деньги шли от западников. Причём последние «рванные» переводы – пару недель назад, на общую сумму пятьдесят миллионов. А знаешь, куда потом перевели деньги? Зятю самого Громова. Замминистра обороны, начальнику Главного штаба.

– Как ты это достал? – удивилась Саша.

– Не твоё дело. – оборвал Сергей. – Кстати, про Максима. Твой бывший не такой простой. Я ломанул почту Зарецкого – они плотно общаются. Исключительно на иностранном языке. Обсуждают какие-то проекты и фонд на Западе – через который я и увидел транзакции Громову. Разбирайся. Пока-пока.

Алекс поняла: за информацию на этой флешке не то что избыток – убыток.

В голове теперь другой вопрос: что делать?

Она могла сдать флешку силовикам. Без гарантий, без результата, но отдать туда, где смогут принять решение. Либо продать Зарецкому – получить всё, что хотела: безопасность, ресурсы, возможности.

Ей нужно, чтобы кто-то подсказал. В последний раз.

Через час она подъезжала к дому родителей. Свет в квартире горел как маяк среди разбушевавшегося шторма.

Алекс зашла. Мама ахнула, замерла, крепко обняла. Увидела замаскированный синяк на щеке и стеклянный взгляд испуганного ребёнка.

Денис Олегович смотрел новости. На экране – сюжет о героическом враче Драчеве, спасённом от клеветы, и спасителе – фонде «Восток».

Отец, не отрываясь от экрана, бросил через плечо:

– А, надежда журналистики! Как раз твои коллеги по цеху про Драчёва вещают. Героем стал. Чудо-аппараты, детей спасает. А какую грязь на него лили – твари. Даже ты репостнула. Как же так, Сань? Не разобралась?

Он ждал её обычной вспышки, спора. Но Алекс стояла молча. Смотрела не на него – на застывшее на экране лицо Драчева.

– Чего молчишь? Не нравится, когда про твою братию плохо? – К нему возвращалась уверенность. Его мир в порядке: есть герои и есть негодяи. Дочь, скорее всего, на стороне негодяев – она же независимая.

– Я писала ту статью. – Алекс сказала это ровным, без-

жизненным тоном.

– Чего? – Отец заморгал, поставил трансляцию на паузу.

– Статью про Драчёва. Я её писала. За деньги. Зная, что это ложь. – Она подняла на него глаза. – Я та тварь, папа.

Волна непонимания прошла по лицу Дениса Олеговича. Потом волна отторжения.

– Врёшь! – вырвалось у него. – Зачем тебе... Это же...

– Чтобы купить информацию о тех, кто меня избил. О Зарецком. О том, как он финансируется Западом и Громова купил. – Её голос всё так же монолитен, но каждое слово бьёт, как молоток по стеклу. – Информацию, которую ты так любишь. Правду. Вот её цена. Моя профессия, моя совесть, моё лицо. Всё продала.

Денис Олегович вскочил. Лицо багровело, но это не прежний гнев спорщика. Паническая ярость человека, у которого из-под ног выбили почву.

– Ты... Ты с ума сошла! Ты понимаешь, что сделала? Оклеветала героя! Играешь на руку врагам! Ты... ты как эти твои... либерасты продажные! – Он задыхался, искал самые тяжёлые слова, но они отскакивали от её каменного спокойствия.

– А он не герой, папа. – сказала Алекс. – Он пешка. Его спасли не потому, что он прав. Его спасли, чтобы забрать компанию. Тот самый «Восток», за которым стоит мой заказчик – Юрий Гаров. Он и есть тот, кто всё купил. И мою ложь, и правду про Зарецкого, и компанию Драчёва. Всё ку-

пил. В моём мире, пап, нет белых, нет чёрных. Только разные оттенки грязи. И я теперь – часть этой грязи.

Отец отступил на шаг. Смотрел на дочь – в глазах не испуг за неё, а ужас перед тем, что она говорит. Его мир, построенный на простых опорах – свои/чужие, герои/предатели – рассыпался. В пустоту ворвался циничный ветер реальности, который принесла дочь. Он пытался найти аргументы, но нашёл только:

– Но... Запад... они же...

– А Гаров – наш? – перебила дочь. – Он купил мою душу. И купил патент Драчева. Кто он, пап? Герой? Или просто тот, кто оказался сильнее и богаче? Где тут твоя правда?

Он молчал. Челюсть работала, но звуков не было. Смотрел на экран, где улыбался Драчев, потом на дочь – живого свидетеля того, что скрывается за этой улыбкой. Всё, во что он верил, оказалось карточным домиком.

– Меня били не «либерасты», папа. Меня били люди тех, кто играет в большую игру. А я полезла в их песочницу. Теперь я – их инструмент. Или жертва. Или и то, и другое.

Денис Олегович больше не пытался её остановить. Стоял опустошённый, побеждённый.

– И что теперь? – спросил он. В голосе – не отец, а просто растерянный старик.

– У меня в кармане флешка, которая может многое изменить в определённых руках. Но я сомневаюсь, стоит ли её использовать. Эта флешка может дать мне свободу и много

денег. Но это будет означать победу тех, кто меня бил. И будет плохо нам всем, всем «нашим». Второй вариант – отдать другой стороне. Которая сможет её использовать. Тогда на меня начнётся охота. Третий вариант – просто выбросить и жить дальше. Я не знаю, что мне делать.

– Ты знаешь, что тебе делать, дочь. – С грустью произнёс отец.

Мать плакала на кухне, прикрыв рот. Отец стоял перед светящимся экраном. На нём – застывшая улыбка «героя». Он поднял пульт, посмотрел на него как на непонятный артефакт, бросил на диван. Ему больше нечего смотреть. Все новости – ложь. Все герои – куклы. А единственная правда, которая вошла в его дом, пришла из уст продавшейся дочери.

– Останься дома, – прошептал отец. – Побудь дома. С нами.

Он обнял её по-отечески, целовал в волосы – своего заблудившегося, запутавшегося ребёнка. Мама подошла, присоединилась к объятиям. Слезы лились по морщинистому лицу отца Александры.

Наутро она взяла такси и поехала в сторону бывшего офиса газеты «Правда сегодня». Там она работала раньше, уволилась из-за того, что шеф-редактор не выпустил несколько её статей.

– Привет, Саша. Что случилось? Кто тебя так? – спросил бывший начальник Дмитрий.

– Привет, Дим. С велосипеда упала. Я знаю, что тебя курируют из офиса президента. Мне нужен контакт. Последняя просьба.

– Саш, я не понимаю, о чём ты говоришь! – возмутился Дима.

– Мне нужен контакт твоего куратора из офиса президента. Ты, блядь, видишь меня? Не надо хуйнёй страдать. Я больше не появлюсь здесь никогда. Но прошу – дай контакт.

Дмитрий попросил её выйти из кабинета и подождать. В окно кабинета в опен-офисе она видела, как он разговаривает по кнопочному мобильному телефону.

Через десять минут открыл дверь.

– Тебя ждут. Вот адрес. – протянул бумажку с адресом кафе в центре, недалеко от офиса президента. – Езжай прямо сейчас. Я выдам машину с водителем. И ещё, Саш... Не знаю, куда ты вляпалась, но удачи. Береги себя. И возвращайся...

Звонок по внутренней линии прозвучал, когда Ворошилов в десятый раз перечитывал сводку. Цифры не менялись. Полторы тысячи. Он смотрел на них и не мог заставить себя поверить: это не ошибка, не сбой, не чей-то злой вымысел. Полторы тысячи.

– Не скажу добрый вечер, Михаил Сергеевич, но здравствуйте. – Голос бывшего президента – спокойный, почти участливый. – Ужасные новости с фронта. Вас же предупре-

ждал Владимир Александрович насчёт Долгова. Вы не послушали. Теперь вот результат. Я лично прошу Вас ещё раз подумать о моём предложении. Всего доброго.

Ворошилов не ответил. Трубка выпала из руки, повисла на шнуре, раскачиваясь, как маятник. Он сидел, глядя в стену. Чувствовал, как что-то внутри сжимается, ломается, перестаёт быть собой. Полторы тысячи. Он отдал приказ. Он подписал. Он.

Руки сами потянулись к шкафчику, где стоял коньяк. Бутылка открылась легко. Стакан наполнился до краёв. Но он не пил – просто держал, смотрел на янтарную жидкость. В ней отражался чужой, разбитый человек. Тот, кто ещё вчера считал себя вершителем судеб. А сегодня стал мальчишкой, которого отец отчитывает за разбитую вазу. Только ваза – это полторы тысячи жизней.

Затем выпил залпом. Вкуса не почувствовал. Налил ещё. И ещё. Коньяк кончился, стакан упал, покатился по столу, замер у края. Ворошилов не заметил.

Он заснул в кресле, не раздеваясь. Галстук съехал набок, рубашка вылезла из брюк, во рту – привкус коньяка и железа. В голове кружились обрывки сводок, лица генералов, заголовки. Они перестали быть словами. Стали приговором.

А потом настала тьма и пришёл сон.

Он стоял посреди поля. Того самого, из детства. Бабушкина деревня, дальняя заимка, где дед учил стрелять. Но поле было чужим. Ни шороха травы, ни жужжания пчёл. Только

ветер – плоский, холодный, как нож.

И тяжесть. Две тяжести на плечах. Он не увидел их сразу, но понял – это орлы. Вес неподъёмный, но он держал их, не смея пошевелиться.

Правый орёл смотрел вдаль. Жёлтый глаз пронзал туман, и Ворошилов увидел то, что было скрыто: стальные города, мёртвые реки-границы, тени самолётов, плывущих к нему. Орёл знал врага. Знал, что враг идёт. В спокойствии орла его страшная, безжалостная мудрость.

Левый орёл смотрел вниз. И Ворошилов увидел сам.

Поле было красным. От крови. Густой, медленно сочащейся из земли. Она пропитывала её насквозь. А из этого месива, как страшные всходы, торчали руки. Сотни. Тысячи. Шевелились, хватались за стебли бурьяна, сжимались в кулаки, слабо царапали землю. Руки тех, чьи имена он прочитал в сводке. Они не умирали – закапывались заживо. Пальцы, как корни, искали спасения в этой проклятой земле.

Левый орёл смотрел на это. В его тёмном глазу – всепоглощающий, животный ужас перед бездной боли. Он видел каждый грязный ноготь, каждый сустав, сведённый судорогой. И он кричал. Всей своей тяжёлой, измученной плотью.

Правый кричал иначе. Его свист был предупреждением, приказом к атаке, расчётом будущих потерь. Звук стратегии. Чистый. Беспощадный.

Левый орёл, обезумев, начал клевать правого. Яростно, слепо, истерично. Выдирал перья, брызгал кровью. Она па-

дала на красную землю и сливалась с ней. Правый не сопротивлялся. Только повернул голову. Жёлтый глаз – без единой человеческой ноты – уставился на Ворошилова. В этом взгляде не было вопроса. Был приговор.

Ворошилов проснулся от собственного хрипа.

Он сидел в том же кресле, в том же кабинете. За окном спала Столица. На столе – бутылка и опрокинутый стакан. Во рту чувствовался тот же привкус коньяка и железа. Он поднял руки, ощупал плечи. Ничего. Только рубашка, промокшая от пота.

Ворошилов встал, подошёл к окну. Внизу горели огни. Спокойные, ровные. Но под ногами он теперь навсегда чувствовал, как шевелятся руки. Настойчиво. Как корни.

Столица. Кабинет президента. 09:15.

Долгов стоял перед столом. Спина прямая, как стальная балка. Но в глазах зияла пустота. Ворошилов понял всё ещё до того, как тот открыл рот.

– Полторы тысячи. – Голос Долгова сухой. – «Молот» накрыли. Это была мясорубка. Они знали, куда мы пойдём. Знали когда. Знали сколько нас.

Ворошилов отложил ручку. На столе лежала карта с тремя красными стрелами. Наступление на трёх направлениях. Он сам утвердил их двадцать четыре часа назад.

– Там, где планировался прорыв, – продолжал Долгов, не отводя взгляда, – Они стояли в три линии. Камуфлированные окопы полного профиля. Мины. «Грады» на закрытых

позициях. Туман как по заказу. Наши птички в небо не поднялись. А когда поднялись – было поздно. Они заманили нас в мешок и ждали, пока мы зайдём поглубже.

Ворошилов смотрел на карту. Три красные стрелы упирались в чёрные кляксы – позиции врага. Он знал каждый километр. Каждую высоту, каждую ложбину. И знал: без точной информации о времени и направлении удара такую оборону не построить.

– Кто был на совещании? – спросил он. Голос ровный, но в этом спокойствии – сталь, заточенная до бритвенной остроты.

– Вы, я, начальник Генштаба, спецслужбы. – Долгов перечислял, не глядя в бумажку. – Все, кто должен был знать.

– Кто, Валя? – Ворошилов поднял глаза. Без гнева.. – Кто из них мог?

Долгов молчал пять секунд. Десять.

– Любой. – Выдержал взгляд президента. – Кроме Вас.

– Отменяй всё. – Ворошилов встал. – Наступление на двух оставшихся направлениях – отбой. Начальника Генштаба – в Столицу. И чтоб живым. Контрразведке – полный доступ ко всем материалам по подготовке «Молота». И ещё... – он повернулся к окну. – Ты доверяешь Люманову?

– Доверяю. – Долгов не колебался. – Мы вместе воевали. Его семья – моя семья. Он не продаст.

– Тогда вызывай его сюда. Прямо сейчас.

Через тридцать минут вошёл Люманов.

Он не из тех, кто бросается в глаза. Среднего роста, худощавый, лицо трудно запомнить с первого раза. Но глаза такие, что Ворошилов сразу понял, что этот человек умеет ждать. Слушать. Хранить молчание, когда надо, и говорить, когда надо.

– Товарищ главнокомандующий. – Люманов отдал честь. Коротко, без пафоса.

– Садись, Игорь. – Ворошилов указал на кресло. Сам сел напротив. – Полторы тысячи человек легли сегодня. Потому что кто-то знал, куда мы ударим. Кто-то из наших. Из самых верхов.

Люманов не изменил лица. Только глаза чуть заметно сузились.

– Я хочу, чтобы ты нашёл мне этого человека. – Ворошилов подвинул лист бумаги. – Громов. Андреев. И ещё пять фамилий. Всё, что с ними связано. Контакты, счета, разговоры, связи – всё. Мне нужно знать, кто слил «Молот».

Люманов взял лист, пробежал глазами. Положил обратно.

– Товарищ главнокомандующий, у нас нет таких средств. – Голос спокойный, но с горечью. – Военная контрразведка – это допросы пленных, проверка документов, фильтрация. Мы не супершпионы. У нас нет агентуры в их кабинетах.

– А я вам дам средства. – Ворошилов подался вперёд. – Свяжетесь с Добровольским. Всё, что нужно для технической работы, получите. А людей... Людей найдёшь сам. Военная контрразведка – элита. Справитесь.

Люманов смотрел на него. В глазах сверкнула искра интереса.

– Сроки? – спросил он.

– Край – двадцатое марта. – Вмешался Долгов. – Но чем раньше, тем лучше. Доклады – в реальном времени. Каждый шаг, каждая ниточка.

– Есть. – Люманов поднялся. Кивнул – один раз, коротко. Вышел, не задав больше ни одного вопроса.

Дверь закрылась. Ворошилов смотрел на неё, прокручивал варианты. Люманов справится. Должен справиться.

Тут же зазвонил телефон. Внутренний, красный – прямая линия с пресс-службой.

Ворошилов взял трубку.

– Михаил Сергеевич, – голос Ирины напряжённый, – у нас проблема. В сети появились аудиозаписи. Ваши переговоры со спонсорами. Обещания, схемы финансирования. В телеграм-каналах это уже расходится как пожар.

Ворошилов слушал. Внутри закипало от ярости человека, которого пытаются подставить.

– Это не я, Ир. – Голос ровный, но в этом спокойствии – что-то страшное. – Мы этого не обсуждали. Никогда.

– Искусственный интеллект, Михаил Сергеевич. – Ирина говорила быстро, чётко. – Нейросети. Голос можно сгенерировать любой.

– Найди мне технарей. – Ворошилов взял ручку, начал писать на листе. – Через Добровольского. Пусть изучат эти за-

писи. Пусть найдут, кому принадлежат каналы. И, Ир... – он отложил ручку. – Зайди ко мне завтра в три. Есть идея, как это потушить.

Положил трубку, повернулся к Долгову. Тот стоял у карты, ждал.

– Валя, – сказал Ворошилов. В голосе – та самая сталь, что когда-то привела его к власти. – У нас есть четвёртая точка. Если они стянули всё на три направления, значит, четвёртое – открыто.

Долгов замер. Взгляд стал острым, хищным.

– Об этом знаем только ты и я. – продолжал Ворошилов. – И ЧВК. С их начальником я знаком лично, много лет. Они пойдут сейчас. Лично контролируй. И, Валя... – Он посмотрел на него с прищуром. – Люманову поставь ещё задачу. Пусть прощупает подполье на двух точках «Молота». Если выяснят что-нибудь о подготовке... будет личный подарок от меня. Тем, кто выжил. И тем, кто не выжил тоже.

– Есть, товарищ главнокомандующий.

Долгов вышел. Ворошилов остался один.

Он подошёл к окну. Внизу спала Столица. Где-то в темноте сидели те, кто сегодня ночью праздновал победу. Полторы тысячи трупов – цена, которую они заплатили, чтобы ослабить его перед выборами.

Но они ошиблись.

Ворошилов вернулся к столу, открыл ящик, достал папку с грифом «Совершенно секретно». Внутри – план. Не тот, о

котором знали на совещании. Тот, который знали только он и Долгов.

Четвёртая точка.

Кинжал, спрятанный в рукаве. Удар, о котором никто не знает.

Он взял телефон, набрал номер.

– Готовьте людей. Выход – сейчас. Цель – квадрат сорок семь. Прорыв на всю глубину. Разрежьте их фронт. Выполнять.

В трубке помолчали. Потом голос – спокойный, профессиональный:

– Есть. Приказ принят.

Ворошилов отключился. Посмотрел на карту.

Четвёртая точка. Кинжал войдёт в тело врага.

А вечером – эфир. Он выйдет к камерам и скажет то, что от него ждут. Признает ошибку. Пообещает помочь семьям погибших. Пообещает наказать виновных.

Потому что он догадывался. Догадывался, кто слил «Молот». Кто заплатил за эти полторы тысячи жизней. И знал, как с ними поступить.

Но не сейчас. Сначала – кинжал. Потом – правда.

Скрытый во мраке лесов кинжал Страны в эту же ночь разрезал оборону противника и разделил пополам театр боевых действий. Фронт после горького поражения обрёл новую победу, перечеркнувшую все надежды противника на сопротивление.

Столица. Кабинет Президента. 15:00.

Ирина вошла без стука.

Ворошилов даже головы не поднял – листал бумаги. На столе – стопка с грифом «Совершенно секретно».

– Садись. – Кивнул на стул. – По фейкам что?

– Выяснили. – Ирина села, положила планшет на край стола. – Пабрики, которые слили аудиозаписи. Все получили файлы с анонимного контакта. Денег не брали. Просто... шум.

Ворошилов отложил бумаги.

– Где они сейчас?

– В главке. Сидят.

– Отлично. – Он откинулся на спинку кресла. – Сделаем так. Им надо будет разместить ещё кое-что. Сначала – правдоподобные. Чтобы можно было проверить: это фейк. А потом...

Замолчал. Усмехнулся – коротко, одними уголками губ.

– Потом каждый день – абсурднее. Я на рок-концерте пою. Я с Эйфелевой башни нужду справляю. По-маленькому только. Я пенальти на чемпионате мира ловлю – головой. Постепенно. Дозированно.

Ирина замерла.

– Михаил Сергеевич... Вы уверены?

– Абсолютно. – Он взял ручку, начал что-то писать на полях документа. – Зарецкий в ТикТоке весь. Мне тоже полез-

но будет откусить у него внимания.

Ирина хотела что-то добавить, но он уже поднял глаза.

— Ещё что-то?

— Да. — Она выпрямилась. — Вчера на нас вышел осведомитель. Женщина. Говорит, выявила госизмену. Разговаривать будет только с вами. Лично.

— Имя?

— Алекс Неская. Помните расследование про работоторговлю?

Ворошилов отложил ручку.

— Она не под наблюдением?

— Ну теперь под наблюдением... — Ирина помолчала. — Михаил Сергеевич... её избили. Она не в себе.

— Избили... — Он повторил слово. Посмотрел на часы. — У меня сегодня вечер был свободный... Ладно.... Запиши её на двадцать ноль-ноль. И через Яна усильте наблюдение. Пару охранников к ней, не наблюдашек.

— Сделаю Михаил Сергеевич.

Ирина встала и быстрой походкой вышла из кабинета.

Алекс весь день просидела в кинотеатре. На одном фильме. Третий сеанс подряд.

Заметила их ещё в первом ряду. Двое. Потом трое. Они не смотрели на экран. Смотрели на неё.

К концу третьего сеанса руки тряслись так, что она еле застегнула куртку.

Вышла в коридор. Быстрым шагом – к выходу. В дверях перехватили.

– Александра Денисовна, добрый вечер...

Она не дала договорить. Баллончик – в лицо. Крик – на всю улицу. Бег – метров сто. Пока её не схватили за плечо. Второй. Сильный. Затолкали в тонированный минивэн. Дверь захлопнулась.

Неская билась. Сквозь кашель и хохот с переднего сиденья пробился голос:

– Александра Денисовна! Мы от Михаила Сергеевича. Едем к нему.

Сердце колотилось так, что она не могла дышать.

Обыск перед резиденцией – быстрый, профессиональный. Куртку, волосы, сумку. Телефон и флешку забрали.

Коридоры тянулись бесконечно. Охранник говорил что-то: «не делайте резких движений», «обращаться – господин президент». Она кивала, но не слышала.

Дверь открылась.

Ворошилов сидел за столом. Читал какую-то справку. Поднял глаза.

– Здравствуйте, Александра Денисовна. – Голос ровный, спокойный. – Мне доложили об обстоятельствах вашей поездки. – Он чуть заметно усмехнулся. – Прошу прощения, что мои люди Вас напугали. Хулиганы.

Она стояла посреди кабинета. Сжимала в кармане пустоту. Сумку забрали. Флешку забрали. Осталась только она.

– Добрый вечер, господин президент. – Голос сел. – Мне нужна Ваша помощь.

Он кивнул. Указал на стул. Спросил про раны – коротко, без сюсюканья. Потом вызвал дежурного администратора, велел принести флешку.

Она рассказывала. Сбивчиво. Иногда замолкала, смотрела в стол. Он слушал. Не перебивал.

Когда она закончила, он подался вперёд.

– Вы понимаете, что эти материалы не для общего доступа?

– Понимаю. – Голос тихий.

– В суде их не использовать. – Ворошилов сжал кулаки. – Как Вы их добыли?

Алекс смотрела на свои руки. Синяки на пальцах, содранная кожа.

– Эти данные стоили мне всего, что у меня было, Михаил Сергеевич.

Он молчал. Потом кивнул.

– Понял. – Встал, подошёл к столу напротив неё. – Там несколько статей Уголовного кодекса... Но я закрою на это глаза.

Оперся руками на стол.

– С этого момента Вы под государственной защитой. Ян Вас спрячет. Родственникам скажете – улетели отдыхать. К ним тоже людей приставим, на всякий случай.

– Вы опубликуете? – Она подняла глаза. В них не было

надежды.

Ворошилов смотрел на неё долго.

– Сейчас война, Александра Денисовна. Выборы. Нам не нужны волнения. – Он помолчал. – Но я обещаю: Зарецкий ответит. Не сейчас. Чуть позже. Вы должны меня понять.

Она кивнула. Через силу.

В приёмной ждали охранники. Она села на стул, сжала пальцы. Где-то в коридоре хлопнула дверь, кто-то пробежал в военной форме – не глядя по сторонам.

Рейтинг Зарецкого уже обогнал Ворошилова на пятнадцать пунктов. Шортсы в ТикТоке били рекорды.

Но никто ещё не разыграл главную карту.

08.03.2024. Столица. Кабинет Президента. 10:00.

Люманов вошёл без стука. Долгов уже сидел в кресле у стены, сложив руки на груди. Ворошилов поднял голову от бумаг. Ни слова. Он ждал.

Разведчик положил на стол тонкую папку. Открыл. Внутри – схема, распечатки переводов, фотографии. Люди, которых Ворошилов знал в лицо.

– Громов. – Люманов говорил ровно, без интонаций. – Через подставных лиц владеет сетью компаний, участвовавших в оборонном заказе. Есть несколько эпизодов, за которые можно зацепиться. Племянник держит фонд с западным финансированием. Переводы прошли прямо перед «Молодом». И ещё кое-что. Зарецкий через свои фирмы был суб-

подрядчиком у Громова на оборонных стройках. Факт.

Ворошилов смотрел на схему. Потом перевёл взгляд на Люманова.

– Игорь, ты станешь лучшим руководителем комитета безопасности. Готовься. – Он взял ручку. – Военной прокуратуре – обыски у Громова, у всех родственников, по всем конторам. Полный разгром. Племянника – на допрос. С пристрастием.

Люманов кивнул. Один раз. Коротко. Вышел.

Долгов не шелохнулся. Только спросил:

– Громова брат?

– Брат.

10.03.2024. Новостные ленты. Утро.

Заголовки били, как из крупнокалиберного.

«Замминистра обороны задержан за госизмену». «Главный штаб Страны под следствием». «Мошенничество, превышение полномочий, сговор с иностранными структурами».

Короткий комментарий Ворошилова в пресс-пуле – сухой, как порох:

– Идёт следствие. Надо дождаться результатов.

Камеры выключили. Он вышел из зала, не добавив ни слова.

10.03.2024. Столичное СИЗО. Кабинет для допросов. 21:00.

Лампочка под потолком горела тускло. Выхватывала из

темноты железный стол, два стула и лицо Громова. Он сидел, ссутулившись. Глаза в столешницу. Руки не дрожали. Но и не двигались.

Дверь открылась. Долгов вошёл не спеша. Сел напротив. Положил на стол папку – ту самую, что принёс Люманов.

– То, что ты ещё жив, мразь – твоя огромная удача.

Громов не поднял глаз.

– Если ты приехал просто поорать – избавь пожалуйста. Без тебя тошно.

Долгов ударил кулаком по столу. Металл погнулся.

– Была бы моя воля... – Он перевёл дыхание. Голос стал тише, но жёстче. – У руководства к тебе предложение. Заключаешь сделку со следствием. Признаёшься в госизмене. Твой бизнес и родственников не трогаем. Всё равно на пожизненное уедешь. Но семью вытащишь.

Громов поднял глаза. В них не было страха. Усталость. И что-то похожее на облегчение.

– Я с адвокатом ещё не разговаривал, Валя. Мне подумать надо.

– Если утром «первый» не увидит в новостях, что ты сознался, предложение аннулируется. – Долгов встал. – Думай быстрее, тварь.

Вышел. Дверь закрылась с глухим металлическим стуком.

11.03.2024. Утро. Новостные ленты.

Громов признался. Сделка со следствием заключена. В чём именно – не уточнялось. Под госизмену подходили и его

махинации с оборонным заказом, и слив «Молота». Паблик Артёма – тот самый, что неделю назад поливал Ворошилова грязью – теперь публиковал новость о Громе.

Зарецкий прочитал. Отложил телефон. Билет на самолёт был уже забронирован.

В это время на его телефон поступил звонок.

– Добрый вечер Кирилл Владимирович. Это офис президента Ворошилова. Михаил Сергеевич ждёт Вас сегодня в восемь у себя. И он просил передать, чтобы Вы отменили бронь билетов - Вы никуда не летите.

– Понял, спасибо. Буду.

11.03.2024. Офис президента. 20:00.

Зарецкий вошёл с лицом человека, который не проиграл, а перегруппировался. Костюм идеальный, улыбка натянутая. Но глаза бегали.

Ворошилов сидел за столом. Не встал.

– Михаил Сергеевич, думаю, нам есть что обсудить.

– Я Вас внимательно слушаю Кирилл Владимирович.

Зарецкий положил на стол планшет. Экран засветился схемой. В центре – фотография Ворошилова. От неё тянулись ниточки: «Агро-Инвест Холдинг», подставные фирмы, офшоры, Кипрский фонд. И в самом конце, мелко, но читаемо – фамилия Дилина.

– Вы начинали в Аграрном министерстве. – Зарецкий говорил спокойно, даже мягко. – Вашу кампанию финансирует аграрное лобби. «Агро-Инвест Холдинг». Всё патриотично.

Подъём села. Продовольственная безопасность. Но вот что интересно...

Он провёл пальцем по экрану. Схема усложнилась.

– Двадцать процентов холдинга через несколько уровней принадлежит Кипрскому фонду. А этот фонд в прошлом году получил займ от структуры, где работает бывший муж вашего языка, Неской. Максим Дилин.

Ворошилов не двигался.

– Вы лично не брали взятку. Вы – идеалист. Но Ваши спонсоры берут деньги там, где они есть. Даже у наших «западных партнёров». Представьте заголовки: «Ворошилов – проект Запада», «Кто на самом деле платит за подъём села». Это не измена. Это – компромат на человека, который построил образ на честности.

Зарецкий отодвинул планшет.

– У Вас есть Громов. У меня есть эта схема. Вы уничтожите меня – я потяну Вас за собой. Народ не будет разбираться в офшорах. Он увидит одно – предательство.

Зарецкий водил пальцев по потухшему экрану планшета.

– Вы недооцениваете народ, Кирилл Владимирович. – Ворошилов сказал это без угрозы. Скорее устало. – И переоцениваете ценность этого вброса.

– Но это заронит семя. – Зарецкий подался вперёд. – А на войне, тем более информационной, семя – это уже половина поражения. Оно Вам нужно?

Ворошилов думал.

– Ваш ход, Михаил Сергеевич. – Зарецкий откинулся на спинку стула. – Мы уничтожим друг друга или найдём компромисс?

Михаил Сергеевич смотрел в окно. На город, который засыпал.

– Ваш вариант остаётся в силе. – Голос ровный. – Вы сливаете выборы под вбросы о Вашей связи с Грозовым на госконтрактах. Активы оставляете. Из политической жизни уходите навсегда. Бизнесом заниматься здесь можете.

– Приемлемо.

– Но. – Ворошилов поднял глаза. – Вы и Ваши люди больше не приближаетесь к Неской.

Зарецкий кивнул. Взвешивал – не слишком ли дёшево отдался.

– Вы разумный человек, Михаил Сергеевич. Страна будет в надёжных руках.

– Завтра жду новостей с Ваших же каналов. О Вашей связи с Грозовым. Полный разгон. И передайте нашему общему другу, что я уже еду к нему.

Зарецкий встал. Планшет исчез в портфеле. Вышел, держа спину прямой. Но в этой прямоте – отступление, замаскированное под достоинство.

Ворошилов нажал кнопку внутренней связи.

– Ян, готовь кортеж.

Резиденция Виктора Павловича. 23:30.

Большой дом. Хорошая деревянная мебель, запах книг и

сухих цветов. Бывший президент сидел в кресле, пил чай, ждал. Ворошилов вошёл без стука. Остановился у порога.

– Что же так поздно, Миш? – Виктор Павлович не обернулся. – Неужели до завтра нельзя было подождать? Кирилл уже позвонил, всё доложил. До утра бы потерпели.

– За эти два месяца я прошёл столько, сколько за всю жизнь не проходил. – Ворошилов сел напротив. Голос ровный. – Захотелось закончить всё сегодня.

Старик кивнул. Налил чаю. Подвинул кружку.

– Давайте чай пить. Я слушаю.

Ворошилов говорил коротко, по-военному. Карты на стол: несколько министерств – останутся за стариком. Бизнес не трогают. Выход на выборы – без участия бывшего шефа. Почётная пенсия. Больше никаких ниточек. Ни к нему, ни к его людям.

Виктор Павлович слушал, не перебивая. Пил чай. Когда Ворошилов закончил, поставил кружку на блюде.

– Я согласен. В целом. – Он поднял глаза. – Но не со всем. Ворошилов сжал челюсть.

– С чем?

– Я не был уверен, что вы сможете нести этот груз. – Старик говорил, но каждое слово падало, как гиря. – Тогда, после взятия столицы врага, я увидел в вас трещину. Которая могла привести к обрушению. Я не мог рисковать страной.

Ворошилов повернул голову в сторону.

– Но не привела. – Он снова повернулся к Виктору Палы-

чу, выдержал его взгляд. – Вы проиграли.

Виктор Павлович усмехнулся. Коротко, без тепла.

– И снова не согласен. – Он отставил кружку. – Напротив. Моя цель достигнута. У руля государства – решительный и сильный человек. Способный принимать жёсткие решения и идти на грязные компромиссы. – Поднялся, опираясь на подлокотник. – Доброй ночи, Михаил Сергеевич. Президент Страны.

Ворошилов вышел. Не попрощался.

В машине сидел, глядя в тёмное окно. Чувствовал, как внутри, где-то глубоко, что-то остывает. Или наоборот – закаляется. Разговор с Виктором Павловичем когда-нибудь продолжится. Но не сегодня.

Утром в своём кабинете он разбирал документы.

На столе – папка с грифом «Совершенно секретно». Внутри – список фамилий. Тех, кто больше не представлял угрозы. Ворошилов закрыл папку.

На мониторе его компьютера был текст выступления, который принесла Ирина утром. Пробежал глазами, пометил несколько абзацев, переписал.

«...мы прошли через многое. Но страна осталась цела. И мы продолжим её защищать. От всех, кто считает, что нашу землю можно делить без нас...».

Вечер 24.03.2024. Предвыборный штаб Ворошилова.
23:57.

Шампанское лилось рекой. Пробки вылетали в потолок, разбивали люстры, но никто не обращал внимания. Люди обнимались, радовались, пели. На огромном экране в центре зала всё ещё горели цифры. 87%.

Ворошилов стоял в центре этого бедлама. Десятки рук тянулись к нему – пожать, обнять, похлопать по плечу. Он улыбался. Кивал. Говорил что-то – слова тонули в грохоте радости.

– Дорогие друзья! – голос, усиленный микрофоном, перекрыл шум. – Это наша общая победа. Первая из многих. Я призываю вас сегодня отдыхать по полной. Празднуйте. Вы это заслужили. За вас, господа!

Бокалы взлетели вверх. Шампанское выплеснулось на пол, смешиваясь с осколками иллюзий – тех, что разбились на этом пути. Ворошилов сделал глоток. Пока его команда снова бросилась в объятия, он незаметно скользнул к выходу.

Никто не заметил, как он ушёл.

Резиденция президента. 00:30.

Дом залит светом. На столе – всё, что успели приготовить к торжеству. Отец, в новом костюме, поднялся навстречу первым. Сжимал в руках бокал – давно пустой, но не замечал.

– Миша, сынок! Я тебя поздравляю! Горжусь! – голос старика дрогнул. Он быстро смахнул рукавом то, что не успел спрятать.

– Папа президент! Папа президент! – Лёшка обхватил его ноги, вцепился. Ворошилов присел, крепко обнял сына.

А потом поднял глаза и встретился взглядом с Юлей.

Она стояла в дверях, сложив руки на груди. Не улыбалась. Не плакала. Просто смотрела. Молча кивнула в сторону кабинета.

Дверь кабинета закрылась.

Свет приглушён. За окном – ночная Столица, усыпанная огнями праздничных салютов. Юля подошла к мужу, поправила воротник рубашки. Движение привычное, почти механическое.

– Ты спас ту журналистку? – спросила она. Голос тихий, ровный.

– Да. Спрятал на конспиративной квартире. Добровольский за ней приглядывает.

Он положил руки ей на талию. Она не отстранилась, но и не придвинулась.

– А кто спасёт тебя?

– От чего?

– От того, во что ты превращаешься.

Она не повышала голос. Не кричала. Но каждое слово было наотмашь.

– Ты торгуешься с предателями. Покрываешь олигархов. Ты... – она запнулась. В глазах мелькнуло что-то, чему он не мог найти названия. – Где тот человек, который боялся давать приказ?

Ворошилов молчал. Смотрел на её руки – они лежали у него на груди. На кольцо, которое он надел ей много лет назад. На морщинки у глаз – их раньше не было.

– Июль...

– Не надо. – Она убрала руки. – Просто... ответь себе. Когда смотришь в зеркало, кого там видишь? Того, за кого я выходила замуж? Или того, кто научился торговаться с дьяволом?

Она вышла. Дверь закрылась. Но звук этого щелчка отдался в висках, как выстрел.

Ворошилов остался один. В доме, полном гостей. В доме, который теперь назывался резиденцией. В доме, где всё было не его.

В гостиной праздник продолжался.

Он вышел к столу, взял бокал – отец протянул. Сделал глоток. Шампанское прохладное, но внутри всё горело. Лёшка бегал между гостями, что-то кричал, смеялся. Мать накрывала на стол – с той суетливой грацией, что была у неё всегда. Друзья, знакомые, лица, которые он знал годами. Сейчас все они казались чужими.

Ворошилов смотрел на этот праздник, на их улыбки, на безусловное доверие в глазах. Думал о последних месяцах. О рискованных операциях. О провалах на фронте. О грязной игре вокруг выборов. О тех, кто помогал. О тех, кто мешал. О тех, кого он предал, чтобы не предать страну.

Он так устал, что кости гудели. Не физически. Где-то

глубже – там, где раньше жила та самая черта. Юля назвала её «человек, боящийся давать приказ».

Она была права. Он уже не боялся. И это было страшнее любого провала на фронте.

Ворошилов поймал себя на мысли, что хочет одного – чтобы все ушли. Чтобы лечь рядом с женой, обнять сына и забыть на несколько часов, кто он теперь.

Следующие два дня после обращения к нации он проведёт с семьёй. Без телефонов. Без докладов. Без политики.

Но это будет потом. Сейчас нужно улыбаться. Поднимать бокалы. Быть тем, кого они выбрали.

Окраина Столицы. Конспиративная квартира. 01:15.

Стук в дверь – короткий, условный. Алекс не сразу поняла, что к ней. Открыла – в коридоре никого. Только корзина: доверху фрукты, бутылки шампанского в ведёрке со льдом и букет цветов. Такой большой, что она еле внесла его в комнату.

Записка сверху, приколотая к ленте.

Она развернула листок. Почерк чужой – наверное, писал кто-то из охраны.

«Благодарю тебя ещё раз, Саша. Празднуй вместе с нами. Это и твоя победа».

Перечитала дважды. Трижды. Потом открыла шампанское. Пробка ударила в потолок. Белая пена потекла по горлышку, по пальцам, на пол.

Налила бокал. Поднесла к губам. Остановилась.

На экране телевизора – повторы. Толпа, флаги, салюты. Ворошилов машет рукой с трибуны. Люди плачут от счастья. Она помогла этому случиться. Её флешка, её риск, её боль – всё это стало частью победы.

Но радость не приходила.

Она смотрела на свои руки. На синяки на лице – почти прошли. На ссадины – затянулись тонкой розовой кожей. На пальцы, которые когда-то стучали по клавиатуре, выстукивая правду. Ту, за которую её били. А теперь...

Теперь она не знала, за что стучать.

Телевизор погас. В комнате стало темно. Только свет уличных фонарей пробивался сквозь щель в шторе. Выхватывал из темноты угол стола, край корзины, бутылку шампанского.

Алекс подошла к окну. В отражении стекла была девушка, которую она не узнавала. Не та, что бесстрашно лезла в тёмные переулки, подъезды, к информаторам. Не та, что писала статьи – от них дрожали министры. И не та, что плакала в ванной, разбитая, но не сломленная.

Просто – раздавленная. Опустошённая. Не знающая, куда идти дальше.

Победа была её. Но внутри неё самой война только началась.

Она взяла бокал. Поставила обратно. Села на диван, обхватила колени руками и долго смотрела в одну точку.

06.04.2024. Центр космической связи. 08:15.

Графики на мониторах пошли вразнос. Сначала задрожал первый, потом второй, потом вся стена из двадцати экранов превратилась в хаос. Разноцветные линии скакали, как в лихорадке.

– Третий корональный выброс за месяц. – Голос дежурного звучал ровно, но палец, которым он водил по спектрограмме, дрожал. – Мощность... не рассчитали. Датчики перегружены.

На соседнем экране разворачивалась карта орбитальной группировки. Спутники гасли один за другим. Сначала старые, коммунистических времен. Потом новые – те, что запускали в двадцать втором. Потом военные, защищённые – должны были держать удар.

Не держали.

– Связь с «Меридианом-7» потеряна. – Оператор снял наушники, переключился на резервный канал. То же шипение. – «Ямал-404» молчит. Восточная группировка – частично.

Начальник смены взял трубку прямой линии до правительства. Не дозвонился. Взял спутниковый телефон – зашифрованный, защищённый по последнему слову техники. Длинные гудки. Потом – глухой, пробивающийся сквозь помехи голос:

– Слушаю.

– Генеральный штаб? Докладываю: выход из строя спутниковой группировки. Геомагнитная буря. Оценка – макси-

мальная. Уточните: у вас всё в порядке?

В трубке захрипело. Потом ответили:

– У нас... тоже потери.

Связь оборвалась.

Начальник смены опустил трубку. Посмотрел на экраны – спутники продолжали гаснуть. Потом на часы. 08:23.

– Готовьте доклад президенту. И свяжитесь с кем надо. Скажите – пусть готовят рекомендации. Гражданам... пить больше воды.

Он не знал, поможет ли это. Но в инструкциях было написано именно так.

Телеграм-каналы. 09:00 – 11:00.

Инфографика летела по лентам, как горячие пирожки. «Магнитная буря уровня G4», «Пик придётся на 11 апреля», «Влияние на самочувствие: головные боли, скачки давления, обострение хронических заболеваний».

«Пейте больше чистой воды!» – призывали посты, перепосты, репосты. Кто-то добавлял ссылки на старые проверенные бренды, кто-то просто ставил эмодзи с каплей.

Люди в комментариях жаловались на головную боль. Кто-то писал, что уже три дня не спит. Кто-то, что у матери давление подскочило до двухсот.

И комментарий с самым большим числом лайков:

«А у моей знакомой дочь сегодня ночью не спала. Врачи говорят – реакция на магнитную бурю. Может, и правда воду надо пить?»

Столица. Кабинет президента. 11:30.

Ворошилов сидел за столом. Вокруг него лежали папки из Правового управления. Борщевский, глава ГПУ, мял в руках очки. То наденет, то снимет. Двое замов замерли у стены и боялись лишний раз вздохнуть.

– Значит, так. – Ворошилов раскрыл первую папку. – Под полный запрет – спекулятивная и посредническая деятельность при любом строительстве. Нефтегазовый сектор, Нацатом, госконтракты. Только прямые договоры с заводами-изготовителями. Генподрядчикам запрещается закупать товары через посредников, торговые дома и прочие надстройки.

Он говорил быстро. Рубил воздух ладонью.

– Гражданский кодекс. Уголовный. – Поднял глаза на Борщевского. – И запрет на риэлторскую деятельность. На перекупов. На всех, кто делает деньги из воздуха, пока заводы стоят. Уголовная ответственность. Небольшой тяжести, но, чтобы сидели.

Борщевский надел очки. Снял. Решился:

– Михаил Сергеевич, а общественное обсуждение? Это же резонансные изменения...

– Некогда обсуждать. – Ворошилов даже не взглянул на него. – Ты сейчас это на пару лет растянешь. А мы завтра строить начнём. Нам нужны бетон и арматура, а не офисы с клерками, которые перепродают воздух.

– Но Верховный суд, Конституционный... Уполномоченный по правам человека...

– С ними обсудим. – Ворошилов закрыл папку. – Подберите формулировки. Запускайте. В весеннюю сессию должны уложиться.

Борщевский открыл рот. Но взгляд президента заставил его закрыть папку и кивнуть.

– Задача ясна. Будем решать.

– Вот и решайте.

Они вышли. Ворошилов остался один. Взял телефон внутренней связи.

– Орлова дайте.

Кабинет президента. Сумерки.

Орлов вошёл бесшумно. Президент всё равно почувствовал. Или просто не хотел оборачиваться.

– Садитесь, Герман Львович.

Орлов сел. Положил на стол папку – ту самую, с прогнозами, которые пересчитывали трижды. Открывать не стал. Ждал.

– Прогноз на следующий квартал, Михаил Сергеевич. – Голос ровный, но в этой ровности – осторожность. – Инфляция замедлится с двадцати двух процентов до девятнадцати-двадцати. Это не победа. Это затишье. И оно куплено полным сжатием кредита и инвестиций. Реальная экономика начинает задыхаться.

Ворошилов не обернулся. Только чуть повернул голову –

прислушивался к чему-то за окном.

– Вы знаете, что самое страшное в этих цифрах, Герман Львович? – Голос тихий, почти без интонации. – Не процент. А то, что за ним – ничего. Абстракция. Народ не ненавидит инфляцию. Он ненавидит барыгу, который скупил гречку и продаёт втридорога. Риелтора, который наживает на его ветхом жилье. Чиновника, чей племянник выигрывает все тендеры на стройку.

Он повернулся.

Орлов увидел его лицо и понял: тот, кто сидел здесь час назад, разбирая бумаги и споря с министрами – ушёл. Перед ним стоял человек, который уже принял решение.

– Я устал бороться с абстракциями. – Ворошилов прошёл к столу, сел напротив. – Мне нужен враг. Конкретный и всеобщий.

Орлов насторожился.

– Враг есть, Михаил Сергеевич. – Он говорил осторожно, взвешивая каждое слово. – Санкции. Война. Дефицит.

– Нет. – Ворошилов отрезал. – Это обстоятельства. Враг – тот, кто наживает на этих обстоятельствах. Кто делает и без того горькую жизнь невозможной.

Он замолчал. В кабинете стало прохладно.

– Я хочу объявить ему войну. – Ворошилов взял со стола лист бумаги. – Публично.

Орлов сел прямее.

– Что Вы задумали, Михаил Сергеевич?

Ворошилов протянул лист. Орлов взял, прочитал заголовок: «Концепция поэтапного ограничения спекулятивной и посреднической деятельности в условиях чрезвычайного положения».

Он читал. Страница, вторая... Три этапа. Перекупщики и риелторы – первый. Госзаказ – второй. Торговые дома – третий.

– Это... – Орлов запнулся, подбирая слова. – Это экономическое самоубийство, Михаил Сергеевич. Вы не можете просто запретить посредников. Они не паразиты, а кровеносная система. Вырубите их и товар перестанет доходить до людей. Завод не повезёт три болта в деревню. Магазин не сможет взять кредит под партию товара у дистрибьютора. Вы создадите вакуум. А в вакуум хлынет чёрный рынок, который в десять раз более жестокий и коррумпированный. И это в лучшем случае. В худшем – Вы просто остановите страну. В условиях войны.

Он говорил быстро, горячо, почти враждебно. Ворошилов слушал, не перебивая. Кивал. Не спорил.

– Вы абсолютно правы, Герман Львович. – Голос спокоен.
– С точки зрения экономической теории.

Орлов замер.

– С какой ещё точки зрения здесь можно быть правым?

– С точки зрения выживания власти.

Ворошилов смотрел на Орлова и видел в его глазах выжженный цинизм человека, который перестал верить в аб-

стракции.

– Народу нужна простая картинка. Враг – барыга. Герой – я, который с ним борется. Пока он ненавидит их, он прощает мне всё остальное. Войну. Санкции. Потери. Вашу инфляцию.

Он ударил пальцем по листку. Звук глухой, почти неслышимый. Но Орлов вздрогнул.

– Этот документ – не инструкция для Минэкономразвития. Это знамя. И прицел. Я даю имя врагу. Я указываю пальцем. А Люманов со своими ребятами будет сажать самых наглых из этих «барыг» не за спекуляцию. За контрабанду, уклонение от налогов, связь с вражескими структурами. Уголовные статьи. Тюрьма.

Орлов смотрел на него. Профессиональное возмущение в глазах сменялось пониманием.

– Вы хотите... создать систему судебных репрессий под экономическим соусом?

– Я хочу перераспределить ненависть. – Ворошилов поправил его. – И очистить поле. Пока все будут обсуждать мой «безумный десятилетний план» и ждать, когда я сниму с полок гречку, мои люди будут выкорчёвывать нелояльные бизнес-структуры. Те, что связаны с Зарецким. Те, что сливают капиталы на Запад и саботируют госзаказ.

Он откинулся на спинку кресла.

– Мы не будем трогать мелкого перекупщика с базара. Мы возьмём крупного «дистрибьютора», который контролирует

сорок процентов поставок лекарств в регион и держит цену. И сделаем это под лозунгом «борьбы с посредниками». Народ скажет: наконец-то!

– А что будет с экономикой? – спросил финансист. – С реальной экономикой, Михаил Сергеевич?

Ворошилов посмотрел на него. В глазах президента впервые за этот разговор мелькнуло что-то похожее на усталость.

– Вы будете делать свою работу, Герман Львович. – Голос тихий, почти безразличный. – Сжимать, балансировать, договариваться с Пекином о валютных свопах, поддерживать хоть какое-то подобие стабильности. Это Ваша война. А моя война – на другом фронте. Фронте образов и лояльности.

Он снова ткнул пальцем в листок. Теперь жест был не решительным. Каким-то... прощальным.

– Этот план – моя броня. И мой щит. Все шишки, вся злоба за срыв поставок, за пустые полки – посыплются на него. И на меня. Вас, главного экономиста, который на самом деле держит хоть какую-то стабильность, трогать не посмеют. Потому что Вы – «разумный технократ» рядом с «безумным реформатором».

Он замолчал. Орлов ждал, что Ворошилов скажет ещё что-то. Но президент просто смотрел на него.

– Договорились? – спросил он.

Орлов откинулся на спинку кресла. Он проиграл спор. Потому, что его аргументы не имеют значения в игре, которую затеял президент. Игра, где нет места экономическим

теориям. Где фигуры – люди, а ставка – власть.

– Они назовут Вас утопистом, – сказал он. – Сумасшедшим.

– Пусть как хотят называют. – Ворошилов смотрел в окно. – Главное, чтобы они не называли меня слабым.

Орлов поднялся. Взял свою папку. У него не было больше слов – ни тех, что могли бы что-то изменить, ни тех, что могли бы утешить. Он пошёл к двери, чувствуя спиной тяжесть чужого решения.

– Герман Львович.

Глава ЦБ остановился. Не обернулся.

– Спасибо. – Голос Ворошилова тихий, почти чужой. – За то, что Вы здесь. За то, что делаете реальную работу. Она важнее моих знамён.

Орлов кивнул. Один раз, коротко. Вышел.

Ворошилов остался один.

В кабинете темно. Только настольная лампа выхватывает из темноты край стола, стопку бумаг и тот самый листок. Президент взял его. Посмотрел на заголовок, на три этапа, на мелкий шрифт внизу. Результат работы десятков юристов и экономистов. Они искренне верили, что это можно реализовать.

Он держал листок в руке несколько секунд. Потом без всякого выражения скомкал и бросил в корзину под столом.

Знамя поднято.

Следующие недели.

Инаугурация прошла без происшествий. Ворошилов стоял на трибуне, принимал присягу, улыбался камерам. Где-то в кабинетах министры перекладывали бумаги. Где-то в ресторанах решали – чья очередь сегодня выйти из игры.

Он формировал правительство быстро. Без обычной для таких случаев суеты. Назначал, убирал, договаривался. Стабильный ход боевых действий и планомерное продвижение войск по территории противника делали своё дело. После всех перипетий, после пяти месяцев – обстановка вокруг него стабилизировалась.

Виктор Павлович попросил Министерство аграрной политики. Дразнил. Ворошилов взвесил риски и согласился. Там его лобби. Там его люди. Через своих друзей он поставит аграрную политику под контроль изнутри. Это была хорошая сделка.

Изредка, через охрану, Алекс Неская просила о помощи. Сначала – психолога. Потом – фитнес-тренера. Потом – тренера по боевым искусствам. Она не хотела просто сидеть и терять время. Решила тратить его с максимальной пользой – пока всё не уляжется.

Ворошилов давал всё, о чём она просила. Кроме свободы. Раз за разом откладывал её возвращение домой. Это её злило. И он знал это. Но ничего не хотел менять.

20.05.2024. Выставочный зал Столицы. Международная

научная конференция.

Ворошилов проводил встречи с научным сообществом и бизнесом.

– Михаил Сергеевич, тут Юрий Гаров приехал. Хочет переговорить. – Ирина шепнула на ухо президенту.

– Да, конечно. Как же без него. – Ворошилов устало вздохнул. – Только Ирин – без лишних глаз организуйте.

Интересы олигарха Юрия Гарова простирались от банального обнала до научных исследований, а конечные цели часто оставались неизвестны. Его партнёры – это ведущие мировые корпорации и научно-исследовательские институты даже не смотря на санкции. Ворошилов сталкивался с ним ещё будучи премьером. Каждое столкновение с ним отнимало уйму времени и сил. Гаров умел создавать проблемы, которые нельзя было решить за пару дней.

Пустой конференц-зал. У дверей стояли охранники. Гаров стоял у стола, изучал какой-то буклет. Абсолютно спокойный и уверенный в себе. И в предстоящем разговоре.

– Юрий Гаров. – Ворошилов проговорил по слогам. – Здравствуйте-здравствуйте!

– Михаил. – Гаров почтительно кивнул, пожал руку президенту.

– Юрий, год не прошёл с твоих выходов на судоремонтном заводе. Бюджету это встало в копеечку. Пришлось хороших людей наказывать из-за твоих козней.

– Кто старое помянет... – Гаров подмигнул. – Как твой

новый статус? Слышал, компания была жаркой. Признаюсь, ход с этими ИИ-роликами... Я редко смеюсь во весь голос. Но Эйфелева башня – это шедевр. Кто придумал? Хочу премию выписать от себя.

– Это была моя идея. – Ворошилов рассмеялся.

– Честно говоря, не думал, что ты именно так выкрутишься с моего прикола и той аудиозаписью в телеге. – Гаров перешёл на «ты». – Я не удержался, уж заставил ты меня на СРЗ напрячься. Но ты не таи обиду. По факту это тебе даже на руку сыграло.

– А... Вот оно что... А я чуть Зарецкого не закрыл из-за этого. – Ворошилов усмехнулся. – Значит, «Дядя» – это ты. Занятно. Как всегда, на Юру подумаешь последним. Ты, кстати, молодец – сохранил «Здоровье детям». Неужели просто из патриотических чувств спас Драчева?

– Да. Всё так. – Гаров перевёл взгляд на рекламный буклет. – Я что хотел поговорить. Мы тут с ребятами хотим кое-что построить. Ты слышал про третий?

– Я не дам третий в частные руки. Ты сдурел, что ли, совсем? – удивился Ворошилов.

– Мне нужен не сам третий. Нужно его поле для научных экспериментов. Побочные продукты, новые источники энергии – они могут перевернуть всё. Пусть будут твои лаборатории, государственные. Но мои исследования и инвестиции. Мне даже гранты ваши не нужны. Поверь – заработает и государство, и я. Мы уже полвека трёмся в хвосте индустрии.

ального и научного развития. А теперь можно обогнать всех. Или ты так и будешь ракеты штамповать? – Гаров язвил.

– Слушай, если бы это был кто-то другой, а не ты, я бы, может, и подумал. – Ворошилов неодобрительно покачал головой.

– Ну, решать тебе. – Гаров развёл руками. – Я всё равно это сделаю. Хочешь – здесь, в Стране, с тобой. А могу и на востоке где-нибудь, или в Африке. Да, дороже. Но уж если совсем вилы...

Ворошилов задумался. Гаров был способен реализовать что угодно и где угодно. Предложение было одновременно и заманчивое, и опасное. Но раз идея будет реализована, пусть лучше Страна получит от этого пользу, чем просто будет наблюдать со стороны.

– Ты там на западе, в своих круизах, слишком много шампанского пьёшь. – Ворошилов отобрал буклет из рук Гарова.

– В точку! Был там полгода назад, на одном научном симпозиуме. Разговорил под шампанское одного уважаемого человека. В общем, мы хотим создать технологию синтеза трития. Добывать его дорого, запасы мизерные. А синтез – это другая лига. – Гаров смотрел куда-то вверх, интриговал.

– Это закрытый вопрос, Юрий. Мы не будем снова поднимать тему переработки ядерных отходов. Эти решения приняли два года назад. – Ворошилов смотрел прямо в глаза Гарову.

– Знаю! – Гаров отмахнулся. – Технология другая. Ты слышал про БАК?

– Адронный коллайдер? У нас же есть уже один. – возмутился Михаил.

– Да! Но я предлагаю построить не копию. Что-то особенное. Меньше. Эффективнее. Если заинтересует – скину тебе на почту все материалы. Обсудишь со своими академиками. Никакой переработки ядерных отходов. Чисто, цивильно, безопасно.

Ворошилов размышлял.

– Ты хочешь создать эту штуку в консорциуме? Или в концессию? – Президент прощупывал.

– Не совсем. Пусть будет корпорация. У государства – основной пакет акций. У меня нет иллюзий на этот счёт. Уставной фонд от государства – земля, разрешения, плюс доступ к третию и лицензия на его изучение, исследовательские проекты моих фирм. А частные инвестиции... Деньги я нашёл уже, плюс-минус сметы посчитал. Но с одним условием: председатель правления – моя точка. Я туда своего человека поставлю, чтобы не отсвечивать в СМИ вместе с тобой. – Гаров ехидно улыбнулся. – А ты избавишь меня от своей бюрократии и чинуш, а то мы его лет пятьдесят строить будем. Поэтому нужно особое госрегулирование. Без Нацатома.

– Занятно. Юрий Гаров – и в корпорации с госучастием. Но слушай, это же наверняка очень сложное оборудование.

Боюсь, у нас не так много специалистов такого плана. Если они вообще есть. – заметил президент.

– Это я беру на себя. Всё высокотехнологичное оборудование и запчасти, которых мы не производим, я сам привезу. Не спрашивай как. Плюс у меня есть договорённость с одним из ведущих западных инженеров. Не всё же они у нас мозги таскают. А в остальном мы свою промку напряжём. Я переговорил уже с несколькими предприятиями и свои мощности оптимизировал. – Гаров поднёс ко рту оливку из коктейля, хвастался.

– Такое ощущение, Юрий, что этот разговор – формальность. Раз ты уже такую подготовку провёл.

– Ну, ты не глупый человек. Прагматичный. И пока не увяз в своём политическом дерьме... В общем, либо сейчас, либо уже поздно. Время тик-так.

– Пришли файлы. – Ворошилов развёл руками.

Они пожали руки и растворились на выставке в кулуарных разговорах.

Ворошилов удалился из помещения со странным чувством. Зависть к Гарову. К его звериной, неразделённой цельности, которую сам утерял.

Июнь 2024 года. Где-то в западной Сибири.

Заброшенный горно-обоганительный комбинат коммунистических времён.

Место выбрали не случайно. Готовые подземные выработ-

ки глубиной до километра. Это экономит годы на рытье тоннелей. Удалённость от глаз и спутников. Старая инфраструктура: железнодорожные ветки, линии электропередачи. Их восстановили в сжатые сроки.

Территорию уже признали закрытой «зоной рекультивации». Режим – как у стратегического объекта национальной безопасности. Безполётная зона. Доступ ограничен.

Официально здесь строят новый накопитель для ядерных отходов.

Инвестиционная комиссия на объекте. Во главе – Ворошилов и Гаров.

Грохот стройки, пыль, грязь. Затхлый запах скважин и шахт. Тяжёлая техника, рабочие, искры сварки, погрузчики со стройматериалами. Над входом – коммунистический герб на балке. Надпись: «Всё по плечу исполину-народу, завоевавшему власть и свободу!» Напоминание и пророчество.

Гаров стоял на краю котлована. Дорогие ботинки покрыты сибирской грязью. Инженер что-то кричал про давление бетона. Юрий не слушал. Он следил за крановщиком в застиранной телогрейке. Тот ювелирно заводил многотонный ковш над арматурой. Делал это с ленивой, пьянящей точностью.

Гаров достал из кармана пачку купюр, свернутых в трубочку. Подозвал прораба.

– Тому, на кране. – Кивнул. – Отдай. Скажи, чтоб не бухал до конца квартала.

Прораб заморгал.

– Да он, Юрий Валерьевич, уже... – потупил взгляд.

– Знаю, что уже. – перебил Гаров. – Поэтому и премия.

Мне его трезвый талант нужен. А не его утреннее похмелье.

Юрий развернулся и пошёл к комиссии с Ворошиловым. Оставил за собой человека с пачкой денег и немым вопросом в глазах.

Два самых влиятельных человека Страны наблюдают за заливкой бетона в недрах объекта.

– Да, Миш, это превзошло мои ожидания. – Гаров одобрительно кивает. – Я много мест рассматривал для стройки. Но ты нашёл просто идеальное. Один этот лозунг с гербом чего стоит. Наверное, оставим как есть. Антураж великолепный. К тому же на бумаге это выглядело в разы меньше. Коммунисты, конечно, знали толк в размахе. Сколько ещё таких подземелий у нас в Стране?

– Это государственная тайна, Юр. – отрезал президент. – А что там строится за строительным городком? Я когда подлетал, видел.

– А, это я посёлок строю. Персоналу надо где-то жить. – хвастался Юрий.

– У нас не было этого в проекте. Мы не согласовывали такие инвестиции! – возмутился президент.

– Успокойся. Я за свой счёт делаю. – махнул рукой Гаров. – Вы бы сейчас здесь насогласовали хрущёвки с коммуналками. А мне нужно, чтобы мои люди в комфорте жили. Са-

дики, больницы, кинотеатр и даже спортзал. Всё по высшим стандартам. Для наших людей.

– Сколько же у тебя денег, Юра? – Михаил недоумевал.

Гаров похлопал президента по плечу. С едва уловимой улыбкой:

– Это коммерческая тайна, Миш.

Созданная госкорпорация – «Национальный институт перспективных физических исследований» (НИПФИ). 51% у государства, 49% у холдинга «Quantum Synergy Holdings». Холдингом через сеть офшоров владел Гаров и его клиента. Корпорацию засекретили. Внесли в особые реестры. Они позволяли НИПФИ вести непубличную деятельность. Без отчётов и отражения в официальных ресурсах юриц Страны. Корпорация-призрак.

Все сотрудники подписали соглашения о неразглашении. Находились под полным наблюдением Службы государственной безопасности. Её недавно возглавил Люманов.

Комплектующие для ТАК завозили структуры Гарова. Гибридными методами. Он создал сложнейшие логистические схемы и маршруты. Серый импорт критически важных электронных компонентов – через аффилированные компании на Востоке и в Центральной Азии. Те в свою очередь закупали их официально у стран Запада – для своей нефтянки и прочих нужд. Классическая контрабанда через дипломат-почту и чартеры, принадлежащие подставным лицам. Иногда оборудование завозили в разобранном виде. Видимо,

списывали где-то за границей по фиктивным актам и везли в Страну уже как металлолом.

Параллельно Гаров вёл вербовку специалистов. Он искал не просто безработных учёных и инженеров. Охотился на талантливых, недовольных своей текущей работой на Западе.

Вербовка – через международные хедж-фонды. Те спонсировали фундаментальные исследования по всему миру. Фонды организовывали конференции в Швейцарии, Сербии, Сингапуре. Приглашали перспективных учёных. В фокусе Гарова – те, кто оказался в тени нобелевских лауреатов, но проделал всю фактическую работу. Учёные, разочарованные бюрократией и ограничениями Запада. Авантюристы. Люди с проблемами – теми, кем можно манипулировать.

Такая масштабная деятельность не осталась без внимания западной разведки и спецслужб. Они фиксировали аномальную активность в Сибири и «утечку» мозгов. Но не могли понять: в каких целях это происходит и связано ли между собой. Не имея доказательств, они объяснили всё заявленной бывшим президентом Страны модернизацией ядерного щита.

Запад где-то успевал вводить санкции против компаний, задействованных в сером импорте Гарова. Но он всегда был на шаг впереди. Таких фирм-прокладок у него сотни по всему миру.

03.10.2024. Крупнейшая вспышка на Солнце текущего

цикла. Уровень X9.0.

Где-то в недрах Большого адронного коллайдера. 23:30, время западное.

Цель эксперимента – изучение распада бозона Хиггса. Ведущие мировые учёные сталкивают пучки протонов на рекордных энергиях.

Мощная магнитная буря обрушилась на Землю. Она породила микроскопический сбой в сверхпроводящих магнитах БАК. Из-за этого один из детекторов оказался под непредусмотренным углом к столкновению частиц.

Сканеры зафиксировали не сам бозон. «Хиггсовский след» – возмущение поля Хиггса. Оно длилось на наносекунды дольше предсказанного.

Рядом с детектором стоял кувшин со сверхчистой водой – для калибровки оборудования. «Хиггсовский след» прошёл сквозь воду. Поле Хиггса в аномальной фазе на мгновение изменило свойства массы для атомов воды. Вода превратилась в единый супермолекулярный кристалл. Но осталась жидкостью.

Лаборант торопился закончить смену – перед возможным отключением света из-за магнитной бури. Он случайно выпил этой воды.

Эффект оказался мгновенным. Прилив сил, ясность мысли, отсутствие жажды и голода. Сначала он списал это на адриналин и стресс.

Но эффект не проходил часами.

На следующее утро он был так же бодр, как после восьмичасового сна. Руководитель заметил странность. Отправил лаборанта и образцы воды на анализ.

Стало ясно: это не химическая реакция и не добавка. Структурный феномен. Вода стала катализатором собственных процессов организма.

Анализы и тесты показали: эта «обогащённая» вода вступила в резонанс с митохондриями – энергетическими станциями клетки. Митохондрии заработали со стопроцентной эффективностью.

На энергетическом уровне тоже прослеживалась аномалия. Клетка производила молекулы АТФ так эффективно и в таких количествах, что организму больше не требовалось обычное топливо из гликогена и жиров. Отпадала необходимость в обычных питательных веществах. То есть в еде.

Но самое удивительное было в другом. Резонанс воды стабилизировал мембранный потенциал нейронов. Он просто выключил «нейронный» шум. Тревожность, усталость – исчезли. Внимание обострилось.

Плюс: когерентная структура воды стала вытеснять чужеродные молекулы. Ускоряла вывод токсинов.

Спустя несколько месяцев учёные БАКа удостоверились в открытии. Выступили с заявлением. Представили научные доказательства получения «обогащённой воды» и описание её феноменальных свойств.

Заголовки западной прессы кипели.

«Проблема голода может быть решена в обозримом будущем».

«Фантастическое открытие лечит депрессию и помогает похудеть».

Многочисленные интервью – с учёными БАК, с выдающимися физиками, химиками, медиками, представителями конфессий.

Эту новость обсуждали везде. От школ и вузов до кабинетов министров и глав корпораций. От кухни до театра.

В канун Рождества открытие получило теологическое обоснование. Люди окрестили «обогащённую воду» вторым пришествием Христа.

Верующие и любители теорий заговора подвели новый источник пищи к множеству предсказаний и пророчеств. Глашатаи на улицах призывали взмолиться Господу Богу в благодарность за такой подарок.

Тотальное безумие охватило планету.

Эта тема не обошла стороной и Гарова. Он уже летел чартерным рейсом в эпицентр помешательства – в Цюрих. Через своих высокопоставленных друзей в западных структурах он договорился о беседе с непосредственными свидетелями эксперимента.